

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 28

ЦАРСТВО БОЖИЕ
ВНУТРИ ВАС

Весь Толстой в один клик

Лев Толстой

**Полное собрание сочинений. Том
28. Царство Божие внутри вас**

«Библиотечный фонд»

1890-1893

Толстой Л. Н.

Полное собрание сочинений. Том 28. Царство Божие внутри вас
/ Л. Н. Толстой — «Библиотечный фонд», 1890-1893 — (Весь
Толстой в один клик)

Содержание

Лев Николаевич	5
Предисловие к электронному изданию	6
ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС	8
ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОМУ ТОМУ	9
I	9
II	11
III	15
IV	18
V	21
VI	23
VII	26
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ	29
ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС	31
ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание	31
I	31
II	45
III	53
IV	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

**Лев Николаевич
Толстой
Полное собрание сочинений. Том 28
Царство Божие внутри вас
1890—1893**

Государственное издательство
художественной литературы
Москва – 1957

Электронное издание осуществлено компаниями [ABBYY](#) и [WEXLER](#) в рамках крауд-сорсингового проекта «[Весь Толстой в один клик](#)»

Организаторы проекта:

[Государственный музей Л. Н. Толстого](#)

[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)

[Компания ABBYY](#)

Подготовлено на основе электронной копии 28-го тома Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной [Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Л. Н. Т О Л С Т О Й

П О Л Н О Е С О Б Р А Н И Е С О Ч И Н Е Н И Й

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т О М

28

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1957

Перепечатка разрешается безвозмездно.

ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС

1890—1893

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ

Н. В. ГОРБАЧЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОМУ ТОМУ

I

Публицистический, религиозно-философский труд Толстого «Царство божие внутри вас» завершает собой его публицистику восьмидесятых – начала девяностых годов XIX в. Этот труд явился итогом идейных исканий и теоретических исследований писателя, начатых им еще в шестидесятые годы XIX в. В нем поставлены «конкретные вопросы демократии и социализма», выражен искренний «протест против всякого классового господства».¹

Значение книги состояло в том, что, вопреки религиозно-философским взглядам ее автора, в ней на первом плане оказалось гневное и страстное обличение буржуазного государственного строя, затмившее своей политической остротой и значительностью и его философию непротivления и его религиозное учение.

Проблемам мировоззрения Толстого, его общественному значению В. И. Ленин отвел большое место в своих статьях. Он показал, что идеология Толстого, сложившаяся в пореформенный период, явилась своеобразной реакцией на бурный рост «капитализма снизу и насаждения его сверху»,² что Толстой выражал точку зрения патриархального, наивного крестьянина и переносил «его психологию в свою критику, в свое учение».³

Гениальные работы В. И. Ленина о Толстом впервые раскрыли социальные основы творчества и учения великого писателя. Народническая критика в лице Н. К. Михайловского, не видя никакой связи между учением Толстого и настроениями миллионов русского крестьянства, упрекала его в отходе от насущных проблем современности. Подобную ошибку допускал и Г. В. Плеханов, чьи статьи о Толстом сыграли значительную роль в разоблачении реакционных сторон толстовщины и ее апологетов из либерального лагеря. Однако и Г. В. Плеханов не смог до конца разобраться в противоречиях мировоззрения и учения Толстого. В первых своих статьях Плеханов отрицал публицистику Толстого вообще, не видя в ней сильных, положительных сторон. В письме к П. Б. Аксельроду 28 сентября 1908 г. он писал по поводу юбилея Л. Н. Толстого: «Я вошел даже в комитет, категорически заявив о том, что я не желаю ни одним действием давать кому бы то ни было понять, что я сочувствую публицистической деятельности Толстого. Это значило, что я немедленно выйду из комитета, если тот выскажет сочувствие Толстому не как художнику, а как публицисту».⁴ Правда, в последних работах, возможно под влиянием ленинских статей о Толстом, Плеханов изменил свое отношение к его публицистике. В статье «Карл Маркс и Лев Толстой» (1911) он признавал, что «значение толстовской проповеди... заключалось... в ярком изображении той эксплуатации народа, без которой не могут существовать высшие классы». В той же статье Плеханов отозвался и о «Царстве божием внутри вас»: «Что хорошего в книге «Царство божие внутри вас»? – То место, где описывается истязание крестьян губернатором». Есть в цитированной статье и новые, более общие выводы о публицистике Толстого. Ссылаясь на статьи «Какова моя жизнь?»⁵ и «Не могу молчать!», Плеханов заключает: «Он проповедует непротivление злу насилием, а те его страницы, которые подобны только что указанным мною, будят в душе читателя святое стремление выставить против реакционного насилия революционную силу. Он советует ограничиваться

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 297.

² Там же, стр. 300.

³ Там же, стр. 302.

⁴ «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», изд. Р. М. Плехановой, М. 1925, т. II, стр. 262.

⁵ Первые двадцать глав книги Л. Н. Толстого «Так что же нам делать?», напечатанные в Женеве в 1886 г.

оружием критики, а эти его превосходные страницы безусловно оправдывают самую резкую критику посредством оружия. Вот что – и только это – дорого в проповеди гр. Л. Толстого».⁶

Книга «Царство божие внутри вас», вопреки своему подчеркнуто религиозно-философскому названию, является документом громадного общественного значения, в котором Толстой одним из первых заклеил буржуазный агрессивный милитаризм, его экспансию против колониальных народов, всех трудящихся и друзей мира и братства народов.

Противоречивость мировоззрения Толстого сказалась в этом труде с особой силой. Мыслитель и проповедник, принципиально игнорировавший «внешние» условия жизни человеческого общества, его экономическое положение, вынужден был перед лицом трагических бедствий русского крестьянства, постигшего его в начале девяностых годов страшного голода, отступить от догмы своего учения и вступить в битву за жизнь тысяч и тысяч голодающих крестьян. Работа среди голодающих крестьян оказала серьезное влияние на литературно-публицистическую деятельность и учение Толстого. Ее результатом и явилось «Царство божие внутри вас», в котором отразились настроения широких крестьянских масс накануне первой русской революции, их мощный протест против современной социальной действительности.

Эта книга писалась в то время, когда «критические элементы учения Толстого могли на практике приносить иногда пользу некоторым слоям населения *вопреки* реакционным и утопическим чертам толстовства».⁷ В «Царстве божием внутри вас» нашло свое выражение реакционное учение Толстого, которое, по утверждению Ленина, все же обладало «критическими элементами, способными доставлять ценный материал для просвещения передовых классов».⁸

Ленин критиковал реакционную идеологию патриархального крестьянства, борющегося за сохранение своего положения, «стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении».⁹ Вместе с тем он подчеркивал двойственную природу крестьянства, являющегося «прогрессивным, поскольку выставяет общедемократические требования».¹⁰ Отражая эту прогрессивную тенденцию в крестьянском движении, Толстой критикует господствующие классы, по словам Плеханова «почти как социалист». Он утверждал, что «его главным доводом был довод об эксплуатации человека человеком, и, несомненно, настойчивое обращение Толстого к этому доводу доказывает сильное влияние на него социализма».¹¹ И хотя Толстой не смог объяснить той же эксплуатации человека человеком и указать верные пути ее уничтожения, он тем не менее, проповедуя идею «права на землю» крестьян и «уравнительного раздела земли», выражал «революционные стремления к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения».¹²

Как известно, В. И. Ленин, истолковывая учение Л. Н. Толстого, его «разум» и «предрассудок», исходил из конкретных исторических условий, в которых жил и творил Толстой. Ибо «историко-экономические условия объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании»¹³

⁶ Г. В. Плеханов, «Искусство и литература», Гослитиздат, М. 1948, стр. 707.

⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 32.

⁸ Там же.

⁹ Там же, т. 1, стр. 270.

¹⁰ Там же.

¹¹ Г. В. Плеханов, «Искусство и литература», Гослитиздат, 1948, стр. 722.

¹² В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 11—12.

¹³ Там же, т. 15, стр. 185.

II

Во вступлении к «Царству божю внутри вас» Толстой, объясняя читателю тему и проблематику книги, связывает ее со своим трактатом «В чем моя вера?». Содержание критических выступлений по поводу трактата «вместе с историческими явлениями последнего времени, – писал Толстой, – выяснило для меня очень многое и привело к новым выводам и заключениям, которые я и хочу высказать».

Книга Толстого «В чем моя вера?», написанная в мрачное время реакции, наступившее после разгрома царским правительством «славной плеяды революционеров 70-х годов», затронула многие великие вопросы. В ней Толстой с позиции идеолога патриархального крестьянства громил господствующие классы, изобличал их паразитизм, вскрывал всю ложь и фальшь государственных и церковных порядков в России. Он обнажал всю антинародную сущность церковного мракобесия, доказывал, что церковь враждебна всему тому, чем «истинно живет теперь мир: социализму и коммунизму, политико-экономической теории и утилитаризму, свободе и равенству людей и сословий и женщин, всем нравственным понятиям людей, святости труда, святости разума, науки, искусства».¹⁴

С таким же негодованием осудил тогда Толстой буржуазную мораль. Он тщетно искал «в нашем цивилизованном мире каких-нибудь ясно выраженных нравственных основ для жизни. Их нет. Нет даже сознания, что они нужны».¹⁵

Выступая против буржуазной морали, он закладывал основы своего учения, которое при всех своих реакционных и утопических чертах никогда не было классово-корыстным, сознательно направленным во вред освободительному движению. Попытка «найти нравственные основы для жизни» народа отражала гуманистические устремления Толстого. Недаром он с такой искренностью отдавал предпочтение своим теоретическим писаниям во вторую половину своей творческой жизни и вложил в них гигантский труд исследователя.

Если критические и одобрительные отзывы на книгу «В чем моя вера?» укрепили Толстого в правоте его убеждений относительно официальной церкви и ее роли в многовековой борьбе против прогрессивной мысли, то «исторические явления» восьмидесятых и начала девяностых годов XIX в. «выяснили» для него многое и привели к действительно *новым* выводам и заключениям. Они позволили Толстому глубже вникнуть в сложные процессы современности и разоблачить виновников бедствий, бесправия, нищеты и отсталости народа. В «Царстве божием внутри вас» Толстой перешел от проблем этических и социальных общенационального значения к проблемам межгосударственных отношений, колониализма, национально-освободительной борьбы против ига империализма, к проблемам мирового христианства и освященных им эксплуататорского строя, войн и правительственных насилий.

Книге «Царство божие внутри вас» предшествовали не только серьезные, широко известные теоретические труды, но и такие художественные произведения, как «Смерть Ивана Ильича», «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Крейцерова соната», «Послесловие» к ней и, наконец, первые наброски романа «Воскресение». Книга писалась в тревожной обстановке: в России свирепствовал страшный голод, малейший протест крестьян подавлялся специальными карательными экспедициями. Толстой после опубликования своих «Писем о голоде» подвергся настоящей травле и гонениям. Эти «Письма» и их автор получили в редакционной статье «Московских ведомостей» от 22 января 1892 г. такой политический отзыв, который обычно служил основанием для ссылки в Сибирь. «Письма о голоде» объявлялись «открытой пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономиче-

¹⁴ «Полное собрание сочинений, запрещенных в России Л.Н.Толстого», т. VII, изд. В. Г. Черткова, 1902, стр. 185.

¹⁵ Там же, стр. 192.

ского строя. Пропаганда графа есть пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социализма, перед которым бледнеет даже наша подпольная пропаганда».

Это выступление реакционных «Московских ведомостей» писатель оставил без внимания: «Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам, уж 12 лет, и пишу не нечаянно, а сознательно... То же, что я писал в статье о голоде, есть часть того, что я 12 лет на все лады пишу и говорю, и буду говорить до самой смерти, и что говорит со мной всё, что есть просвещенного и честного во всем мире».¹⁶

К девяностым годам критика общественного строя, экономических и политических порядков приобрела у Толстого особую остроту и содержание. 20 декабря 1888 г. он записал в своем Дневнике: «...надо записывать две вещи: 1) весь ужас настоящего, 2) признаки сознания этого ужаса. И брать отовсюду».¹⁷ Для содержания книги «Царство божие внутри вас» и характерен именно такой подход к действительности, использование таких источников, в которых вскрываются самые болезненные, самые острые вопросы современности.

Проблема народа и его судеб встала по-новому перед Толстым в годы работы над «Царством божием внутри вас», в годы, когда он близко сталкивался с крестьянскими массами голодавшей деревни. Замечательным свидетельством настроений Толстого, его мыслей и чувств, вызванных голодавшей русской деревней, является письмо его к Н. Н. Страхову от 24 апреля 1892 г., в котором он выступает как подлинный защитник крестьянских интересов: «...копаясь в этих внутренностях в утробе народа, мучительно видеть то унижение и развращение, до которого он доведен. — И они всё его хотят опекать и научать. Взять человека, напоить пьяным, обобрать, да еще связать его и бросить в помойную яму, а потом, указывая на его положение, говорить, что он ничего не может сам и вот до чего дойдет предоставленный самому себе — и, пользуясь этим, продолжать держать его в рабстве. Да только перестаньте хоть на один год спаивать его, одурять его, грабить и связывать его и посмотрите, что он сделает и как он достигнет того благосостояния, о котором вы и мечтать не смеете. Уничтожьте выкупные платежи, уничтожьте земских начальников и розги, уничтожьте церковь государственную, дайте полную свободу веры, уничтожьте обязательную воинскую повинность, а набирайте вольных, если вам нужно, уничтожьте, если вы правительство и заботитесь о народе, водку, запретите — и посмотрите, что будет с русским народом через 10 лет... вся деятельность правительственная не улучшает, а ухудшает положение народа».¹⁸ Это письмо Толстого воспроизводит думы и настроение автора «Царства божия внутри вас» в период его работы над книгой, объясняет, почему она написана в таком страстном тоне обличения самодержавия и милитаризма, с такой остротой взгляда на растущие противоречия между трудовым народом и господствующими классами.

То обстоятельство, что книга создавалась под впечатлением трагедии голодающей крестьянской России, наложило на нее свой отпечаток, осветило ее светом надвигающейся революции. Раздумье над большими событиями своего времени, живое участие в борьбе с голодом затягивали работу над книгой. Судя по записи в Дневнике, Толстой только в мае 1891 г., спустя несколько месяцев после начала работы над книгой, «уяснил всё в целом и написал конспект 9 глав» (запись 22 мая 1891 г.). Эта запись предшествует не менее выразительному замечанию писателя: «Хочется написать всю перечувствованную правду, как перед богом» (запись 3 апреля 1892 г.). Русская действительность, ее гримасы, социальные уродства и язвы давали Толстому материал для его труда. Дневниковая запись 15 сентября 1892 г. сохранила «мучительно тяжелое впечатление» от «поезда администрации и войск, ехавших на усмирение» голодающих крестьян. Тут же запись: «Сколько было сил, работал над 8, 9 и 10 главами». Работа

¹⁶ Т. 84, стр. 128.

¹⁷ Т. 50, стр. 16.

¹⁸ Т. 66, стр. 204—205.

над книгой так поглотила Толстого, что он с 6 ноября 1892 г. по 5 мая 1893 г., то есть полгода, не вел своего Дневника. «Всё это время был напряженно занят своей книгой: последней главой, и то еще не совсем кончил» (запись 5 мая 1893 г.). Публикация за границей выдержек из книги Толстого, дающих описание действий карательной экспедиции тульского губернатора Зиновьева против крестьян, вызвала в России кампанию клеветы и нападок на писателя. «Началась суета, и воздействия, и ложные понимания, и клевета» (дневниковая запись 20 июля 1893 г.). Тогда же в письме к Лёвенфельду Толстой сообщал, что описание это «подняло бурю в русских правительственных сферах». Озлобление и поход правительственной реакции против Толстого объяснялись невиданной популярностью за границей его книги, появившейся в переводах в Париже, Риме, Лондоне, Женеве, Штутгарте, Берлине, Нью-Йорке и других городах мира. «Толстой теперь другой и опасен», – объяснили Ф. А. Страхову при обыске у него на квартире (Дневник Толстого, 8 октября 1894 г.).

Письма Л. Толстого хранят многие мысли, высказанные им в связи с работой над «Царством божием внутри вас». Завершая работу по оказанию помощи голодающим крестьянам, он в письме к Н. Н. Страхову от 13 июля 1893 г. выражал свое возмущение «людьми нашего круга», которые могут «жить спокойно, зная, что они погубили и догубляют целый народ, высав из него всё, что можно, и досасывая теперь последнее, рассуждать о боге, добре, справедливости, науке, искусстве. – Я свою статью кончил, – писал Толстой, – она переводится. Я уже теперь смотрю на нее со стороны и вижу ее недостатки и знаю, что она пройдет бесследно (пока я писал, я думал, что она изменит весь мир)... хочется теперь написать о положении народа, свести итоги того, что открыли эти два года».¹⁹

Из переписки Н. Н. Страхова с Толстым известно, что русская цензура для иностранных изданий встретила французский перевод книги Толстого «тихо, но враждебно». Цензура признала книгу «самой вредной из всех, которые когда-либо просматривались ею»²⁰, и отказалась допустить ее в Россию.

Работа над книгой вызывала у Толстого необыкновенный прилив творческой энергии и упорства. Заканчивая книгу, он 25 февраля 1893 г. писал Страхову: «Я в жизни никогда с таким напряжением и упорством не работал, как я теперь работаю над всей моей книгой и в особенности над заключительными главами ее. Должно быть, я поглупел или, напротив, ослабел творчеством, а поумнел критическим умом».²¹ Такое же вдохновение испытывал Толстой и в начале работы над книгой. В письме к сыну известного художника Н. Н. Ге от 12 сентября 1891 г. он писал: «Я очень много работаю над своей статьей о воинской повинности и христианстве... Какая удивительная вещь – работа! Ведь мы думаем, что работаем, чтоб есть, чтоб одеться, чтоб услужить людям, чтоб похвалили; неправда: все мы работаем для того, чтобы уйти из себя в работу.»²² И действительно, Толстой «уходил» в свой труд, он вложил в него и свой ум, и сердце, знание жизни, о чем так хорошо сказал М. Горький: «Как много жизни обнял этот человек, какой он не по-человечьи умный и жуткий»: Толстой обнажил неприглядную картину дореволюционной России, ее мрачную действительность, гнетущую творческие силы человека, унижающую его достоинство. Трагедия Толстого-мыслителя состояла в том, что в своей критике современного общественного строя, в демократических тенденциях своего учения он опирался на бурный протест крестьянских масс, а в выводах – на теорию непротivления злу насилием. Но когда Толстой обращался к жгучим вопросам народной жизни, он не мог не становиться на путь разрушительной критики царизма и церкви. В письме к Д. А. Хилкову, говоря о своей книге, он называет ее «сочинением о насилии и самой жестокой

¹⁹ Т. 66, стр. 366.

²⁰ Т. 87, стр. 234.

²¹ Т. 66, стр. 299.

²² Там же, стр. 43.

форме его, о воинской повинности», которое он все не может кончить, ибо «всё кажется не так сильно и убедительно, как оно у меня в сердце и в голове. Хочется так выразить, чтобы было несомненно для всех. И надеюсь, что выражу... Там всё есть и о церкви, всё, от чего мы не то что страдали, но то, обо что мы бьемся».²³

²³ Там же, стр. 147.

III

Основная идея книги «Царство божие внутри вас» – обличение буржуазного государства, его классовой сущности и его роли в проведении политики милитаризма и подавления сопротивления народа. Оно проникает всю книгу и получает наиболее сильное выражение в ее заключительной главе, где пафос разоблачения всех институтов современного буржуазного государства достигает предельного напряжения и где Толстой выносит ему свой беспощадный приговор. И хотя взгляды Толстого на государство были противоречивы и не во всем правильны, его критика милитаристского государства отвечала задачам освободительной борьбы и имела прогрессивное значение.

Толстой обрушился на ученых и публицистов, апологетов буржуазного общества и государства, доказывавших извечность и необходимость его существования. В книге разоблачается обман и несостоятельность правовой науки, изображающей буржуазное государство как наилучшую форму общественного устройства, утверждается, что государству всегда был присущ деспотизм и подавление угнетенных классов: так было «при Нероне и Чингис-хане и так это и теперь при самом либеральном правлении в Америке и Французской республике». Толстой отвергает доводы идеологов буржуазии, объясняющих гонку вооружений и введение всеобщей воинской повинности в Германии, а затем и в других странах, якобы угрозой внешнего нападения, и доказывает, что массовые армии в большой мере потребовались для борьбы с народом внутри страны. Причина их появления, пишет Толстой, в «коммунистическом, социалистическом, анархическом и общем рабочем движении». Классовую сущность буржуазного государства писатель иллюстрирует убедительными фактами положения народных масс и господствующих классов, тем, что государство охраняет собственность помещиков и фабрикантов и насилиями удерживает крестьян и рабочих в состоянии нищеты и голода, тормозит «решение вопросов рабочего, земельного, политического, религиозного». Ему было очевидно, что при современном государственном устройстве созданы условия «вечного праздника» для одних и «вечного труда» для других.

Обрисовав угнетенное положение народа в буржуазном государстве и признав справедливым стремление рабочих изменить существующую систему социальных отношений, Толстой остановился перед вопросом, как избавиться народу от гнета, бесправия и нищеты. Он отрицал путь революционного освободительного движения, ставившего своей целью свержение буржуазного общества и его государства. В условиях деспотического государства и милитаризма писатель не видел возможности его разрушения и проповедовал «внутреннее» «освобождение человека» через изменение «понимания жизни». Ему казалось, что единичные случаи отказов людей от военной службы, порожденные такой «внутренней свободой», страшнее правительствам, чем все формы освободительной борьбы. В этом заключалось одно из самых «кричащих противоречий» Толстого.

Отрицая буржуазное государство, Толстой считал, что человеку вообще никакое государство не нужно, так как современное человечество «выросло» из государственной формы бытия. Сущность буржуазного государства, как «ненужной тяжести», «бедствия» для народа, писатель обобщал и считал его свойством государства вообще, в том числе и «хорошего», которым, говорил он, революционеры стремятся заменить «плохое» современное государство. Эксплуататорскую сущность и деспотизм государств досоциалистического типа Толстой ошибочно переносил и на государство будущего, которое создаст народ, победив своих угнетателей. Толстому казалось, что и такое государство неизбежно окажется еще деспотичнее прежнего, так как ему придется изобретать новые формы борьбы с поверженным ранее господствовавшим классом.

В книге «Царство божие внутри вас» Толстой показал, что современный буржуазный строй держится военной силой и лицемерным общественным мнением, которое он называет «языческим» в отличие от проповедуемого им «христианского». Вся сила буржуазного общества и заключается в этом «столпе», в «целой армии людей, призванных к тому, чтобы обманывать и гипнотизировать народ».

Намечая историческую перспективу борьбы двух общественных мнений, языческого, постепенно отмирающего, и христианского, Толстой верит в возможность победы «христианского» общественного мнения, при котором государство и все его институты – армия, полиция, суд, чиновники, тюрьмы, казни, – окажутся ненужными. Развивая такой утопический взгляд на отмирание буржуазного государства под влиянием христианской морали, он для обоснования своей точки зрения привлекает факты и события современной жизни. Толстой замечает, что деспотизм стал жестче, но он – как «сухое дерево», подтачиваемое в сердцевине и готовое к падению; богатые и правители больше не являются «цветом общества и тем идеалом человеческого благополучия и величия, к которому стремились прежде всего насилуемые». Следовательно, люди начинают стыдиться участия в насилиях. Одна статья, пишет Толстой, может более изменить положение дел, чем «десятки свиданий монархов и сессий парламентов»: государство становится таким же ненужным, как «короли и императоры», которые «почти ничем не управляют». Толстой видит симптомы разрушения «языческого» общественного мнения, на котором держится государство, в том, что палачи отказываются от свершения казней, в неповиновении солдат, призванных для усмирения крестьян, в филантропии фабрикантов, в отказах отдельных помещиков от земли, в либерализме некоторых прокуроров и судей, смягчающих наказания, в отказе иных священников благословлять государственные насилия. Такие симптомы представлялись Толстому не случайностью, а результатом какой-то «общей» причины, которую он склонен был усматривать в отрицании народом общественного «языческого» мнения и в переходе людей на позиции «христианского» общественного мнения. Принимая желаемое за действительность, Толстой предсказывал в ближайшем будущем переход собственности из частных рук в общее достояние, отказ народа «кормить и содержать королей, императоров, президентов» и полчища их чиновников. Люди, писал он, откажутся «содержать все эти ставшие бесполезными учреждения».

Как глубокий наблюдатель народной жизни, Толстой заметил коренные изменения в буржуазном обществе на заре его империалистической стадии: нараставшее возмущение и протест масс против буржуазного государства и всего строя; революционные стремления к его разрушению, возникавшие под могучим влиянием идей социализма во второй половине XIX в. Но, замечая эти изменения, Толстой давал им свою интерпретацию и выводил их не из развития капитализма и роста противоречий между трудом и капиталом, а находил эту общую причину в «христианском» общественном мнении и его морали. Здесь сказывались противоречия и реакционные черты толстовского учения, в принципе отрицавшего революционные методы преобразования буржуазного общества.

Критика современного государства тесно переплетается у Толстого с разоблачением лицемерия и лжи как одной из самых характерных черт буржуазного общества. Толстой показал «всеобщее лицемерие, вошедшее в плоть и кровь...» современного общественного устройства. Типичен лицемер-помещик, устраивающий общество трезвости или «рассылающий через жену и детей фуфайки и бульон трем старухам», чтобы показать евангельскую или гуманную любовь к тому самому народу, который он «не переставая мучает и угнетает». Таким же «благодетелем» для народа является купец, истративший одну тысячную из украденных им денег на «больницу, музей, учебное заведение», фабрикант, доход которого «весь составляется из платы, отнятой у рабочих», губящий принудительным трудом «целые поколения людей» «для своих барышей» и строящий искалеченным на его работе людям «домики с двухаршинными садиками». Буржуазия, пишет Толстой, лицемерно заявляет, что никто не принуждает народ

работать: «это дело свободного выбора», что бедность народа не зависит от гнета капиталистов, а только от «необразования, грубости, пьянства народа». Наоборот, иронизирует Толстой, капиталисты и правительство полагают, что «мудрым управлением» они противодействуют обеднению масс. С таким же лицемерием духовенство помогает народу «религиозным обучением», а либералы распространением образования. Лицемерие правящих классов доведено до предела: даже карательные экспедиции против крестьян, пишет Толстой, объясняются «выгодой» тех же крестьян, бунтующих, «не понимая своей выгоды».

Отвергая борьбу за преобразование общественного и экономического строя, Толстой считал неразумными заботы о «нашей временной, плотской жизни, жизни общества или государства». Все дела творятся через человека «высшею силою», а человек «не творец жизни»; забота людей «о делах внешних» и общих, в которых они не свободны, закрывает им путь к истине, «в чем они свободны».

В заключительной главе книги Толстой подчеркнул «два неотвратимые условия нашей жизни, уничтожающие весь смысл ее» – смерть и «непрочность всех совершенных нами дел», ибо «всё проходит, не оставляет следа». И «смысл жизни нашей... ни в нашем личном плотском существовании... ни в каком-либо мирском учреждении или устройстве». С помощью этих «идей» Толстой стремился пробудить у господствующих классов «совесть» и понудить их отречься от лицемерия, участия в насилиях и казнях, заставить осознать свою человеческую обязанность, которая выше службы правителя и чиновника.

Толстой разоблачал ложь и лицемерие буржуазных идеологов, грозивших народу в случае разрушения капитализма, неисчислимыми жертвами, гибелью науки, искусства, цивилизации, культуры. Отвечая на подобные пророчества, Толстой выразил ту мысль, что вместе с капиталистическим строем погибнут его ложь и лицемерие, а подлинная наука и культура «только более процветет и усилится».

IV

Милитаризм как орудие угнетения колониальных народов и подавления освободительного движения является одной из центральных проблем книги «Царство божие внутри вас». Толстой, свидетель современных ему исторических событий, не мог не заметить растущего милитаризма, гонки вооружений и надвигающейся на человечество мировой войны. С каким негодованием обрушился он на лицемерный обман народа лжепатриотическими лозунгами, «конгрессами мира», «третейскими судами», которыми буржуазные правительства маскировали подготовку к войне и усыпляли бдительность народа! Обличая милитаризм, Толстой выступает как величайший гуманист, проповедник мира и братства людей и как смелый обличитель империалистического заговора против мира и жизни миллионов людей. «Что может быть безумнее и мучительнее того положения, в котором живут теперь европейские народы, тратя бóльшую часть своих богатств на приготовление к истреблению своих соседей», – писал Толстой.

Его выступления укрепляли силы русского освободительного движения и помогали его борьбе за свержение царской монархии. Все прогрессивное человечество с затаенным дыханием читало гневные и страстные слова Толстого. Протест Толстого против надвигающейся империалистической войны был вместе с тем одним из первых могучих протестов русских писателей против милитаризма. Понимая всю чудовищность грозящей катастрофы, всю ее бессмысленность для человечества, он указывал на ее виновников, прикрывавших разговорами о мире гигантскую подготовку к войне. В своей книге Толстой выступил как смелый обличитель империалистической политики буржуазных правительств, жестокостей милитаризма, всеобщей воинской повинности.

Большое место в книге и ее черновых вариантах отведено теме разоблачения всеобщей воинской повинности как самому крайнему выражению насилия милитаризма и деспотизма над человеческой личностью. Он дает ряд выдержек из речей и документов, из книг и статей о военном положении Европы, о численности армий и военных расходов, о гонке вооружений, несостоятельности разговоров о мире, о бедствиях войны. «И это не отдаленная случайность, а это то самое, к чему мы все готовимся, и есть не только вероятное, но неизбежное событие». Толстой считал, что человечество стоит на пороге «ужасающей по бедственности и истребительности войны, внутренних революций». Цитируя сильные и гневные слова о войне, ее ужасах и бессмысленности, взятые у Мопассана, Гюго, Э. Рода и других, Толстой ополчается против проповедников милитаризма, потерявших совесть, здравый смысл и человечность. На первом плане он ставит зловещую фигуру Мольтке, названного Мопассаном «гениальным убийцей», Э. Воюэ и других пропагандистов милитаризма. Писатель, иллюстрируя рост милитаризма и эксплуатации народа, ссылается на действие «железного закона», по которому рабочие «имеют столько, сколько им нужно, чтобы быть постоянно побуждаемыми нуждой к работе и быть в силе работать на своих хозяев».

Толстой следил за политической жизнью на Западе. Об этом свидетельствуют цитаты из речей Каприви, Вильгельма и других политических деятелей, приводимые в «Царстве божием внутри вас». Толстой уличает германского канцлера, объяснявшего необходимость громадных военных расходов какой-то опасностью для Германии, но проговорившегося в рейхстаге, где он «прямо объявил, что нужны надежные унтер-офицеры для того, чтобы бороться против социализма». «Смысл речи Каприви... тот, что деньги нужны не для противодействия внешним врагам, а для подкупа унтер-офицеров, с тем чтобы они были готовы действовать против подавленного рабочего народа». Яростное негодование Толстого вызвала речь кайзера Вильгельма перед рекрутами в 1891 г., в которой он заявил: «При теперешних социалистических

происках может случиться, что я прикажу вам стрелять в ваших собственных родственников, братьев, даже родителей... и тогда вы обязаны беспрекословно выполнять мои приказы».

Толстой подчеркивал рост антивоенных настроений в народе, особенно против воинской повинности, объясняя эти настроения растущим проникновением «в низшие слои рабочего народа» социалистических, коммунистических и анархических теорий, хотя «всеми правительствами без исключения скрывается в народе всё, могущее освободить его».

Толстой показал роль армии в осуществлении государственных насилий над народом. Судя по письму к Чарльзу Тернеру (от 1 августа 1892 г.), Толстой считал эту тему одной из главных идей «Царства божьего внутри вас». Русская и западноевропейская действительность давала обширный материал для таких разоблачений. Толстой не мог забыть о встрече на железной дороге с поездом «солдат с розгами и боевыми патронами», ехавших «усмирять тех голодных», с которыми он прожил «последний год» работы на голоде.

Писатель искренне возмущался необыкновенной покорностью, с которой в Европе, гордящейся своей свободой, люди «приняли одну из самых не только деспотических, но и позорных мер, когда-либо изобретенных тиранами, – общую воинскую повинность».

Подчеркивая «наглость насильников», Толстой много справедливых слов сказал в своей книге и о «подлости насилуемых», которую он находил в поведении образованной толпы, с пафосом и лицемерием толкующей «о гуманности», «о свободе», «правах» и «неприкосновенности жизни человека», а на деле покорно повинующейся милитаристам.

Толстой был глубоко прав, осуждая разжигание правительствами национальной вражды и шовинизма под видом патриотизма и защиты отечества. Но он заблуждался, когда отождествлял шовинизм с патриотизмом, игнорируя его конкретно-историческое содержание.

Огромное политическое значение книги Толстого определялось ее злободневным содержанием, вызвавшим необычайный интерес во всех странах. Книга будила у читателя мысли, чувства и настроения, направленные против готовившейся империалистической войны. В этом смысле труд Толстого был исключительно своевременным: он появился как раз в период усиления империалистической экспансии. Толстой высмеивал тех, кто полагал, что гонкой вооружений можно обеспечить мир: «Пишут: война погубит сама себя, так страшны ее орудия; неправда, будь они еще страшнее – будь они таковы, что 0,99 погибнут наверное, и люди все-таки пойдут и будут идти, пока не проснется человек – религиозный человек».²⁴ Толстой не верил в плодотворность «конгрессов мира» и прочих пацифистских затей либерально-буржуазной интеллигенции, которые лишь усыпляли бдительность народов и играли на руку милитаризму. История империалистических войн подтвердила справедливость взглядов Толстого.

Книга «Царство божие внутри вас» резко выделялась на фоне милитаристской пропаганды, заполнившей буржуазную прессу. Не удивительно, что именно антивоенный пафос книги вызвал живейший отклик у читателей всего мира. Так, организация «Молодые друзья мира» обратилась из Франции к Л. Н. Толстому 23 ноября 1893 г. с письмом, в котором просила прислать статью для ее журнала «La paix par le droit», органа международной молодежи, пропагандировавшего мир посредством третейских судов. Отвечая на это письмо (10 декабря 1893 г.), Толстой выражал сомнение в возможности достичь такими средствами поставленной цели – сохранения мира, но вместе с тем поддержал и ободрил руководителей «Молодых друзей мира», заявив, что он любит «смелостью мысли этих юношей, которые в противоположность тому, что им проповедуют их старшие и их учителя, имеют смелость верить, что война не есть нормальное состояние человечества». «Идея международной этого органа мне чрезвычайно симпатична», – писал в этом же письме Толстой; рекомендовал «печатать такой журнал на трех или четырех языках параллельно». В заключение письма он выразил готовность «служить этому прекрасному делу». Толстой обещал журналу послать свою статью по поводу

²⁴ Т. 52, стр. 53.

франко-русских демонстраций, «а пока, – писал он, – если вы сделаете для этого журнала краткое изложение всего, что касается войны из «Царства божия внутри вас», я буду очень этому рад, потому что знаю, что вы сделаете это превосходно».²⁵ Редакция журнала последовала совету Толстого и поместила выдержки из его книги в январском номере 1894 г.

Толстой горько сетовал на покорность и смирение народных масс, повинующихся военной силе, то есть на те самые качества, которые сам же внушал, проповедуя свое учение о непротивлении злу. Но, веря в разум человечества, он все же надеялся, что наступит время, когда «пушки, сабли, крепости, мундиры, ордена» будут показывать народу так, как теперь показывают «памятники древности».²⁶

²⁵ Т. 66, стр. 444.

²⁶ Т. 52, стр. 155.

V

Ярко выраженное антицерковное направление составляет своеобразие публицистики Толстого. Разоблачив официальную церковь, как серьезную опору социального, а в ряде случаев национального и колониального гнета, Толстой нанес сокрушительный удар идеологии господствующих классов. В силу этого публицистика Толстого вызвала в России и во всем мире со стороны духовенства яростное озлобление и целый поток статей, брошюр, книг, в которых мракобесы клеветали на великого художника, изображая его врагом всего человечества, дерзким разрушителем моральных устоев и обычаев, освященных вековыми традициями религии, церкви и общества.

В «Царстве божием внутри вас» антицерковная тема занимает одно из центральных мест. Толстой видел, что церковь затемняет сознание народа. Отсюда возникало стремление писателя разоблачить обман народных масс, вскрыть социальную подоплеку и корыстную заинтересованность приверженцев официальной церкви в оправдании эксплуататорского, буржуазного строя. В анализе закономерности общественного развития Толстой не стоял на материалистических позициях, тем не менее его критика многовековой работы церкви по оправданию насилий, казней и преступлений господствовавших классов была убедительна. Она аргументировалась громадным фактическим материалом из жизни русского народа и народов других стран, подкреплялась превосходной эрудицией. Не напрасно затратил Толстой целые десятилетия гигантского труда, чтобы разобраться в сложных и запутанных вопросах догматического богословия, в текстах священного писания, в истории церкви и ересей. Свои исследования он использовал в труде «Царство божие внутри вас». Ссылаясь на знаменитое сочинение чеха Хельчицкого «Сеть веры», написанное в XV в. и признаваемое им одним «из замечательнейших произведений мысли и по глубине содержания, и по удивительной силе и красоте народного языка, и по древности», Толстой подчеркивает обличение Хельчицким войн и смертной казни, разоблачение им сращивания церкви с государственной властью, начавшегося еще при Константине Великом, наделившим папу Сильвестра богатством и светской властью. «С тех пор обе власти постоянно помогали друг другу». История церкви, – писал Толстой, – это история «величайших жестокостей и ужасов». Именно церковь была «всегда одной из главных причин разъединения людей, ненависти... войн... инквизиций». Не менее подлую роль она играет в политической жизни России, где деятельность «огромного, напряженно действующего учреждения, состоящего из полумиллионного полчища, стоящего народу десятки миллионов», сводится лишь к затемнению сознания и защите существующего строя.

Антицерковные сочинения Толстого вызвали открытое противодействие со стороны официальной церкви, полиции и Синода. В отзыве на корректурные листы «Исповеди» и «В чем моя вера?» Московский духовный цензурный комитет писал Синоду, что Толстой высказывает самые «дерзкие суждения о существующем строе государственного управления, представленные в выражениях сильных и картинных»²⁷ (отзыв от 12 декабря 1885 г.). Отказывая С. А. Толстой (16 декабря 1885 г.) в цензурном разрешении Синода на издание книги «В чем моя вера?», К. П. Победоносцев ссылаясь на то, что эта книга произвела бы «вредное действие на умы», подобно действию «первых проповедников революции».²⁸

Теоретические работы Толстого, написанные в восьмидесятые годы, имели, по его признанию, большое значение для книги «Царство божие внутри вас». В письме к Джонсу Кенворти Толстой писал 10 июля 1895 г., что его сочинение «Соединение и перевод четырех Евангелий» было «поворотным пунктом» всей его жизни и «легло в основание» всего написанного после

²⁷ Архив синодальной канцелярии. Дело № 2255.

²⁸ Н. Н. Гусев, «Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого», Academia, 1936, стр. 342.

него. Другому корреспонденту, Феликсу Шредеру, он писал (21 мая 1893 г.), что в его книге,²⁹ посвященной анализу теоретических работ Толстого, написанных им в восьмидесятые годы XIX в., заключение, выведенное «из всего предыдущего... могло бы служить предисловием» к «Царству божьему внутри вас» (т. 66, 336). Надо иметь в виду огромное общественное значение трудов Толстого, разоблачавших фальсификацию текстов Евангелия с целью оправдания насилий над народом и церкви и государства. Он в своей книге показал, что в буржуазных государствах официальная церковь никак не противодействовала гнету и эксплуатации народных масс.

Антицерковная тема в публицистике и в гениальных художественных творениях Толстого, например в «Воскресении», вызвала бешеную злобу в правительственных сферах и среди высшего духовенства, предавшего Толстого анафеме. В публичной проповеди 2 марта 1891 г. харьковский протоиерей Буткевич просил царя «пресечь» деятельность Толстого, ибо он «больше всех волнует умы образованного и необразованного общества» своими сочинениями, заключающими «разрушительную силу». В таком же духе произносились проповеди во всех церквях, печатались в церковных изданиях и в органах реакционной печати. Официальная церковь находилась в крайне враждебных отношениях с Толстым. В его лице она встретила критика и обличителя с мировым именем, выступления которого имели огромный общественный резонанс. К. П. Победоносцев обращал внимание царя Александра III на усиление «умственного возбуждения» под влиянием сочинений Толстого, что «угрожает распространению странных, извращенных понятий о вере, о церкви, о правительстве и обществе». Духовная цензура подвергла запрету книгу Толстого «О жизни» лишь потому, что в ней проводилась идея о том, что всем руководит «не слово божие, а единственно и исключительно человеческий разум». Толстого не смущали цензурные запреты его произведений и преследования. Он продолжал борьбу с царизмом и церковниками, работая над своей книгой. 11 февраля 1889 г., после чтения книги Э. Рода «*Le sens de la vie*», Толстой записал в Дневнике: «Надо, надо писать и воззвание и роман, т. е. высказывать свои мысли, отдаваясь течению жизни». Еще интереснее запись в Дневнике 7 июня 1889 г.: он собирается выписывать и группировать «всё, что поражает в 2-х направлениях: 1) обвинительный акт (против церкви и государства); 2) наступление царства божия». Следовательно, книга должна была стать «обвинительным актом» против церкви и государства и изложением мировоззрения Толстого. Отрицательное отношение к официальной церкви Толстого возникло у него еще в молодости. Почти за 40 лет до выхода книги «Царство божие внутри вас» у него созрела «великая, громадная мысль» – посвятить свою жизнь основанию «новой религии... очищенной от веры и таинственности» (дневниковая запись 4 марта 1855 г.). Эта идея не принесла пользы человечеству, но толстовская критика поколебала устои и авторитет церкви. «Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, т. е. нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс».³⁰ Немало такого «очищенного яда» внесено и в книгу «Царство божие внутри вас». В ней дается апологетический обзор непротивленческой литературы Америки и Англии, движения непривлеченцев, в котором преобладали вредные, реакционные идеи, осуждалось революционное движение. Проповедуя «начало и источник жизни – бога», «совершенствование своей души», «христианское жизнепонимание», он выражал уверенность в том, что народы, принявшие это учение, немедленно обретут такие перемены в жизни, «о которых мы не смеем мечтать и через столетия». Разумеется, не философия непривлечения вызывала восхищение книгой Толстого у прогрессивного читателя. Бессмертно в этой книге чувство негодования и пылкого возмущения всем, что препятствовало человеку в его движении к светлому будущему.

²⁹ Felix Schroeder, *Le Tolstoïsme*, Paris, 1893.

³⁰ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 295.

VI

В незавершенном «Послесловии» Л. Н. Толстой выразил «три главные мысли», составляющие, по его мнению, сущность книги «Царство божие внутри вас»: изложение своего «христианского» жизнепонимания, «изменяющего весь строй жизни»; необходимость усвоения его людьми; определение деятельности, вытекающей из этого жизнепонимания. Развивая эти мысли, Толстой исходит из того убеждения, что «существующие основы рушатся» и их надо «подломить». Речь идет прежде всего о мировоззренческих основах, которым Толстой придавал решающее значение в изменении всего строя жизни.

Рассматривая различные типы жизнепонимания, порожденные историческим развитием человеческого сознания, Толстой последовательно отвергает их и утверждает лишь свое, чисто толстовское жизнепонимание, которое он называет «истинно христианским».

Толстой отвергает «языческое» жизнепонимание, утверждающее, что мир совершенен и разумен и существует для блага человека; существующее в мире совершенно и разумно, но человек несовершенен, его задача – совершенствоваться; все существующее совершенно и разумно кроме человека, потому что он пал и может быть спасен сверхъестественным образом. Не одобряется и буддийское жизнепонимание, считающее, что все существующее неразумно и несовершенно и потому для человека лучшее состояние есть уничтожение. Толстой защищает то жизнепонимание, которое признает существующее неразумным и несовершенным, но благо человека видит в движении от неразумности к разумности, от несовершенства к совершенству. Считая, что «разумно» совершенствовать мир и себя как часть этого мира, Толстой решительно отрицает философское положение «все существующее разумно» как несправедливое и безнравственное. «Напротив, – утверждает Толстой, – всё существующее, всё, что есть, то всегда неразумно». Разумным является лишь идеал, то, к чему стремятся люди: «разумно движение от неразумного к разумному». В подтверждение своей мысли он ссылается на гегелевскую философию: «если существует государственное устройство, говорили гегелианцы, то задача философии в том, чтобы найти разумное назначение этой формы жизни; если существует угнетение бедных богатыми, говорят экономисты, то задача науки найти законы этого подчинения».

Разоблачая философию, стремившуюся оправдать во что бы то ни стало буржуазный строй, Толстой писал: «По жизнепониманию этому жизнь всего мира такова, какою она и должна быть, т. е. разумна, и потому задача каждого отдельного человека, живущего в мире, состоит в том, чтобы подчиняться законам этого мира или, выраженной в откровении, воле творца мира, найти для себя наибольшее доступное благо в этой жизни или хоть в будущей». Но наряду с критикой Толстого буржуазной науки и философии проявляются и слабые стороны его учения, отрицающего активное отношение человека к действительности, его стремление и реальные возможности изменить внешние условия своего бытия. Он не отводит человеку прав хозяина жизни. Цель человека не может состоять «в своем личном благе или в благе семьи, общества, человечества», ибо «человек не принадлежит себе, а той силе, которая послала его в мир», он – «орудие высшей силы», «странник, работник хозяина». Отсюда утверждение решающей роли человеческого сознания. Судя по словам Толстого, высказанным им в «Послесловии», целью книги «Царство божие внутри вас» являлась не только критика отрицаемых типов жизнепонимания, но и позитивная программа, окончательно сформировавшаяся в сознании Толстого.

Напряженные раздумья над сложными явлениями жизни, выводы и глубокие обобщения явлений современности запечатлены в труде «Царство божие внутри вас». Толстой много думал о государстве и его общественной роли. В одной из записей в Дневнике (14 февраля 1891 г.) читаем: «Прекрасно бы было, если бы правительство организовало труд; но для этого

оно должно быть бескорыстным, святым». Но «где же они, эти святые?» Несмотря на очевидную для Толстого чудовищность насилий над массами, совершаемых государством, он тем не менее был убежден в бессмысленности борьбы против них. Усматривая господство в капиталистическом мире «самого пагубного принципа» индивидуализма, Толстой утверждал, что столь же пагубен и противоположный принцип «блага многих людей вместе». Он допускает, что люди достигнут «кооперации, коммунизма, общественности вместо индивидуализма» не путем организации (а следовательно, и не путем освободительной борьбы), а только «следованием каждым из людей незатемненному побуждению сердца, совести, разума, веры, как хотите назовите, закона жизни». «В этом одном сознании закона есть нечто и меньшее и большее рассуждения. И только оно дано приводить на тот узкий единственный путь истины, по которому следует идти человеку и человечеству... Это очень важно, и это-то хотелось бы мне сказать в моей статье».³¹ В записи 16 февраля 1891 г. Толстой критикует несостоятельность либеральных публицистов и буржуазной науки, с легкостью обещающих народу благоденствие и прогресс: «На слова либерала, который скажет, что наука, свобода, культура исправит всё это, можно отвечать только одно: «устраивайте, а пока не устроено, мне тяжелее жить с теми, которые живут с избытком, чем с теми, которые живут с лишениями. Устраивайте, да поскорее, я буду дожидаться внизу». Ох, ох! Ложь-то, ложь как въелась. Ведь что нужно, чтобы устроить это? Они думают – чтоб всего было много, и хлеба, и табаку, и школ. Но ведь этого мало».³² Разоблачая лживую болтовню либералов, Толстой сам становится на ошибочный путь отрицания «внешних», материальных условий, и все сводит к задаче переделки сознания: «Мало материально всё переменить, увеличить, надо душу людей переделать, сделать их добрыми, нравственными». И он предлагает все усилия направить «на изменение сознания своего и других людей», ибо «сила не в тюрьмах, кандалах, виселицах, пушках, порохе, а в сознании людей, запирающих в тюрьмы, вешающих, стоящих над пушками». Такая идеалистическая оценка роли сознания в духе своего учения о добре и нравственности вызывала протест не только политических борцов, но и представителей русской прогрессивной культуры.

Работая над книгой и «Послесловием» к ней, Толстой часто обращается к основной проблеме своей эпохи – проблеме революции, которая, по его мнению, неотвратима. Он недоумевает, почему «люди, теперь живущие на шее других, не поймут сами, что этого не должно, и не слезут добровольно, а дождутся того, что их скинут и раздавят».³³ В этих недоумениях Толстого находила свое выражение наивность взглядов патриархального крестьянства. Мысли Толстого о несовершенстве мира, пессимизм, отсутствие веры в возможность избавления от социально несправедливого капиталистического строя нередко опровергались его же гениальными догадками о возможности преобразования этого мира. «Это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем».³⁴ Любовь к человеку рождала в Толстом не только чувство сострадания к его судьбе в эксплуататорском обществе, но и смелые мысли, вселявшие в него непокорность и его бунтарство, которые «везде проскакивают» в его книге.

Любопытен в этом смысле отзыв Толстого в письме к Черткову от 17 декабря 1893 г. на свою же книгу, прочитанную во французском переводе. В этом отзыве есть мысли, подчеркивающие «противленческие» тенденции и черты характера великого писателя. Читая книгу, Толстой «не мог оторваться, несмотря на местами перевранный перевод, и, – замечает он, – многое мне было очень приятно; но именно те места, где я отступал от христианского приема мягкой

³¹ Т. 52, стр. 10.

³² Там же, стр. 10—11.

³³ Там же, стр. 51.

³⁴ Т. 52, стр. 121.

и любовной рассудительности, а таких много, почти *все*, – мне были противны и совестны. Несмотря на то, что таков *мой характер* (подчеркнуто мною – М. З.), а он везде проскакивает, я знаю, что он скверный, и желал бы и надеюсь изменить его».³⁵ О том же писал он Черткову и в письме от 26 февраля 1894 г.: «...там так много этого злого, что я не знаю, что – главное». Толстому «понравился» отзыв на его книгу английского критика, подметившего противоречие между христианской проповедью и тоном его критики: «Он говорит, что я отступаю от того, что я проповедую, т. е. любовь, жестоко и грубо нападая на духовенство, упрекая его в лжи и корысти».³⁶ Под влиянием таких упреков у Толстого и появился замысел написать послесловие к своей книге, в котором, по совету Черткова, «несколько сухой общий тон всех обличений... вполне уравнился бы мягким, любовным тоном... несколькими словами признания и раскаяния» (письмо Черткова Л. Н. Толстому от 3 марта 1894 г.). Однако начатое послесловие так и не было закончено. Как видно, автор его не нашел в себе сил «смягчить» тон и остроту, с которыми он критиковал современный социальный порядок, милитаризм и его защитников.

Толстой понимал (и писал об этом), что необходимо изменить современное капиталистическое общественное устройство (дневниковая запись 5 мая 1896 г.), что надо найти средство облегчения положения рабочих («изучать законы природы и придумывать приемы для облегчения работы: машины, пар, электричество») (запись 28 апреля 1895 г.). Сталкиваясь с деревенским людом, глядя на «мужичков-заморышей», ростом с двенадцатилетнего мальчика, Толстой с грустью и негодованием замечал, как «вырождаются поколения людей», и искал возможностей употребить остаток своей жизни «на то, чтобы разрушить это ужасное рабство» (из письма Л. Л. Толстому от 28 января 1894 г.). Целям разрушения капиталистического рабства и служила книга Толстого «Царство божие внутри вас».

³⁵ Т. 87, стр. 248.

³⁶ Там же, стр. 255.

VII

По языку и стилю публицистика Толстого принадлежит к лучшим классическим образцам этого жанра в русской и мировой литературе. Ей присущи глубокое общенациональное и общечеловеческое содержание, исключительная ясность и четкость мысли, логических аргументаций и возражений, придающие ей характер подлинного научного исследования. Толстого-публициста отличают приемы памфлета, полемическая острота характеристик, утверждений, выводов и обобщений, взволнованность и образность авторской речи. Все это придает теоретическим работам Толстого искренность и убедительность, эмоциональную выразительность, заражающую читателя теми чувствами, которые волновали самого автора. Эти же качества присущи трактату «Царство божие внутри вас».

Эта книга не является произведением искусства, но она написана рукой большого художника, большого мастера слова, в ней проявляется его могучая обличительная сила, многообразие и величие его таланта. И в своей публицистике Толстой пользуется различными художественными средствами и приемами, для того чтобы сделать свою речь яркой и образной. Так, с помощью антитезы он подчеркивает резкость контраста между жизнью господ и жизнью подавленного голодом и нуждой народа, «поколениями без просвета умирающих невежественными, пьяными, распутными, полудикими существами в рудниках, на фабриках, заводах, в деревнях на земледельческом труде».

Лицемерие и пустословие критиков книги «В чем моя вера?», ловко уклоняющихся от обсуждения поставленных в ней вопросов, Толстой разоблачает с помощью иронической характеристики их писаний: «Хотя, с одной стороны, нельзя собственно отрицать, но, с другой стороны, опять-таки нельзя утверждать, тем более, что и т. д.». В таком же духе отзывается Толстой о статье «знаменитого, утонченного английского писателя и проповедника Фаррара, великого, как многие ученые богословы, мастера обходов и умолчаний». Уклоняясь от ответа на критические положения Толстого, подрывающие основы официальной церкви и современного общества, Фаррар пишет, что задачу доказать, «как невозможно учение коммунизма, основываемое Толстым», он не может выполнить, ибо «это потребовало бы более места», чем он имеет «в своем распоряжении». «Экое горе, – с ядовитой иронией восклицает Толстой, – места ему нет!» С такой же иронией разоблачал Толстой и других иностранных критиков, которые «тонким манером» намекали ему на невежество перед лицом европейской науки и культуры с «крупновскими пушками, бездымным порохом, колонизацией Африки, управлением Ирландии, парламентом, журналистикой, стачками, конституцией и Эйфелевой башней». Немало страниц книги посвящено ярким описаниям людей и событий. В книге даны портретные характеристики чинов воинского присутствия и старца-священника, приводящего рекрутов к присяге. В диалогической речи чиновников Толстой подчеркивает их бездушие и бюрократическую природу царского режима.

Еще сильнее и ярче раскрывается Толстым противоречие между трудом и капиталом в созданном им обобщенном образе угнетателя – правящих классов, и угнетаемого – рабочих масс, подавленного правящими классами и вечно стремящегося высвободиться и уничтожить своего противника.

Обращаясь к буржуазной литературе, Толстой подчеркивает в ней «отсутствие серьезного содержания» и «какой-то страх перед всякой определенностью мысли». Смысл литературы и искусства сведен к «грациозным ненужностям» и рассуждениям, возвращающим людей «к первобытной дикости». К таким ненужностям Толстой относит праздные разговоры, конгрессы мира, на которых маскируется подготовка к войне. О лондонском конгрессе мира 1891 г. он писал, что собравшиеся, «начав молебствием в соборе», закончили «обедом со спичками», приняв решение: «Проповедовать людям каждое третье воскресенье декабря зло войны и благо

мира», то есть то, что «до такой степени известно людям». Высмеивая наивных публицистов, утверждавших, что третейские суды уничтожат войну, Толстой недоумевал: «Удивительно, чем могут себя обманывать люди, когда им нужно обмануть себя». Его поражало то, что основано более ста обществ мира, что прошли конгрессы мира в Париже, Лондоне, в Риме, читаются речи, произносятся за обедом речи, издаются журналы, доказывающие вред войны и благо мира, и что количеством исписанной на эту тему бумаги думают «согласовать всех людей... и тогда войны не будет». Это все равно, саркастически отмечал Толстой, что для того, «чтобы поймать птицу, надо посыпать ей соли на хвост».

Свое возмущение ростом гнета и эксплуатации рабочего народа капиталистами Толстой выражает меткими сравнениями, придающими его стилю живость и выразительность: «Древний раб знал, что он раб от природы, а наш рабочий, чувствуя себя рабом, знает, что ему не надо быть рабом, и потому испытывает мучения Тантала, вечно желая и не получая того, что не только могло, но должно бы быть».

Характеристика Иоанна IV, Петра I, Екатерины II, Вильгельма и других написаны Толстым живо и конкретно. Используя известную сказку Андерсена «О новом царском платье», Толстой проводит ту идею, что насильнические учреждения себя изжили и достаточно кому-нибудь не заинтересованному в их сохранении по пословице «рука руку моет» крикнуть: «а ведь люди эти уже давно ни на что не нужны», как они будут устранены.

Как известно, XII глава «Царства божия внутри вас» была написана Толстым под непосредственным впечатлением встречи на станции Узловая с карательным отрядом солдат и офицеров, следовавшим во главе с тульским губернатором Зиновьевым «усмирять» крестьян села Бобрики. Описание этой встречи принадлежит к самым волнующим страницам толстовской публицистики. В нем дан собирательный образ солдатской массы, посылаемой с розгами и боевыми патронами против крестьян, показана крестьянская масса, согнанная губернатором для экзекуции, даны зарисовки отдельных солдат и офицеров, изображен самый процесс унижительного телесного наказания ни в чем не повинных крестьян-тружеников. Толстой подчеркивает, что этот случай не единственный, а характерный для многих губерний царской России, где всё, чем живут богачи, «приобретено и поддерживалось только истязаниями, заключениями, казнями». Характеризуя карательные экспедиции против крестьян орловского губернатора Неклюдова, нижегородского – Баранова, писатель называет царских сатрапов «палачами», «мерзавцами», не чувствующими «внутреннего отвращения к истязанию и убийству», а старающихся отличиться своим «палачеством».

Такое же волнующее впечатление производит описание рекрутского набора. Знакомая Толстому «густая толпа народа» притянула его к себе, как он писал, «какими-то злыми чарами», и то, что он увидел и услышал в этой толпе «вой матерей и жен», вызвало в нем жгучее сострадание к народному горю, и это чувство нашло свое яркое выражение в обрисованной писателем сцене.

«Царство божие внутри вас» – плод трехлетнего напряженного труда писателя, стремившегося вложить в него большое общественное содержание и выразить его в ясной и доходчивой форме. Он писал: «Предмет (книги – М. З.), – о новой форме жизни... мне кажется так важен, что хочется всё сказать и как могу лучше».³⁷

В письмах к друзьям Толстой объяснял затяжку работы над книгой именно тем, что «всё хочется лучше. И, кажется, будет лучше, проще, яснее».³⁸ Толстой стремился и к тому, чтобы его книга заразила читателя чувством негодования против мерзостей господствующих классов. Выражая несогласие с предложением Черткова смягчить тон книги, Толстой отвечал: «Главное, не могу согласиться с смягчениями. Смягчать, оговариваясь, нельзя. Это нарушает весь

³⁷ Т. 66, стр. 224.

³⁸ Там же, стр. 196.

тон, а тон выражает чувство, а чувство заражает (чувство иногда негодования) больше, чем всякие доводы».³⁹ И такой цели Толстой достиг, особенно в заключительной главе.

Книга «Царство божие внутри вас» – выдающееся явление русской публицистики, в котором художественные образы и описания играют существенную идейную роль и обогащают все произведение в целом. По своему стилю публицистика Толстого особенно близка Герцену. Близость эта заметна и в характеристике русского самодержавия и западноевропейского буржуазного общества, в приемах аргументации авторских положений и даже в лексике. Толстого восхищала глубина и смелость мысли Герцена, который «своим проницательным умом уже тогда (в 1848 г. – М. З.) ясно видел то, что видит теперь уже всякий самый мало размышляющий человек нашего времени: невозможность продолжения жизни на прежних основах и необходимость установления каких-то новых форм жизни». Свои рассуждения и выводы о невозможности создать новое социально справедливое общественное устройство при сохранении капитализма Толстой подкрепляет цитатой из сочинения А. И. Герцена «С того берега», в котором разоблачались иллюзии французской буржуазии о возможности свободы и справедливости при существующем эксплуататорском строе и высмеивался ее страх и колебания перед будущим: «Страх берет – пустота, ширина, воля... Как идти, не зная куда, как терять, не видя приобретений!» Соглашаясь с Герценом и объективно выступая за разрушение буржуазного строя, Толстой проявлял «силу» и «разум» своего мировоззрения.

Многие выдающиеся представители русской культуры с восторгом встретили книгу Толстого. И этот восторг объяснялся ее глубоким идейным содержанием. Толстой как бы творил суд над современным капитализмом, над строем насилия и зла, угнетавшим человека и разрушавшим его внутреннюю красоту, творческие, созидательные силы. В. В. Стасов, откровенно выражавший Толстому свое недоумение (письмо от 9 июня 1894 г.) постоянной аргументацией писателем своих положений ссылками на бога: «Почти постоянно Вы опираетесь на мысли о Христе, о боге. На что это? На что нам тот и другой, когда так легко и разумно вовсе обойтись без них?» – все же признал, что книга Толстого – «это самая великая книга нашего XIX века». XII главу книги он считал «бесценной», «несравненной». Эта глава, по его мнению, «сама по себе есть целый мир». Великий русский живописец И. Е. Репин, ознакомившись с книгой Толстого, писал, что это «вещь ужасающей силы». И все же взыскательный и требовательный к себе Толстой не вполне был доволен своей книгой. В письме Черткову (от 25 октября 1895 г.) он указывал на недостаток книги, который заметил при чтении ее в итальянском переводе: «ужасно много длиннот». О впечатлении, произведенном толстовской публицистикой на современников, прекрасно сказал Анатоль Франс в речи, произнесенной в Сорбонне (12 марта 1911 г.): «Когда он убеждает нас верить, страдать, терпеть, его героическое самоотречение принимает форму такой пылкой борьбы, принимает такой решительный, я бы сказал, даже сокрушительный характер, что он заставляет нас мыслить, сомневаться, – силы наши возрастают».⁴⁰

Оценивая объективное значение «толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности»⁴¹, Ленин указывал русскому пролетариату единственно возможный путь к свержению капитализма и созданию нового общества «без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком»⁴² – путь пролетарской социалистической революции. На трудном пути к этой великой цели, заблуждаясь в выборе средств борьбы, находился и величайший русский художник, гневный и страстный публицист Л. Н. Толстой.

М. Зозуля

³⁹ Т. 87, стр. 117.

⁴⁰ «Иностранная литература», 1940, № 11—12.

⁴¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 297.

⁴² Там же.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Текст, публикуемый в настоящем томе, печатается по общепринятой орфографии, но с сохранением некоторых особенностей правописания Толстого.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Условные сокращения типа «к-рый», вместо «который», и слова, написанные не полностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, но это всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [*1, 2, 3 и т. д. неразобр.*], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Многоточия воспроизводятся так, как они даны автором.

Абзацы редактора делаются с оговоркой в сноске: «Абзац редактора».

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках петитом без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов означают, что эти произведения печатаются впервые.

В примечаниях приняты следующие условные сокращения:

АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва).

Б,III – П. И. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой. Биография», т. III, изд. 2-е, Гиз, М. 1922.

ПС – «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894», изд. Общества Толстовского музея, Спб. 1914.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС 1890—1893

ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание

Познаете истину, и истина освободит вас (Иоан. VIII, 32).

И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне (Мф. X, 28).

Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков (I Коринфянам, VII, 23).

В 1884 году я написал книгу под заглавием: «В чем моя вера?». В книге этой я действительно изложил то, во что я верю.

Излагая свою веру в учение Христа, я не мог не высказать и того, почему я не верю и считаю заблуждением ту церковную веру, которая обыкновенно называется христианством.

В числе многих отступлений этого учения от учения Христа я указывал на главное отступление, именно – на непризнание заповеди непротивления злу насилем, очевиднее других отступлений указывающее на извращение церковным учением учения Христа.

Я очень мало знал, как и все мы, о том, что делалось и было проповедуемо и писано в прежнее время по вопросу о непротивлении злу. Я знал то, что было высказано об этом предмете у отцов церкви – Оригена, Тертуллиана и других, – знал и о том, что существовали и существуют некоторые, так называемые, секты менонитов, гернгутеров, квакеров, которые не допускают для христианина употребления оружия и не идут в военную службу; но что было сделано этими, так называемыми, сектами для разъяснения этого вопроса, было мне мало известно.

Книга моя, как я и ожидал, была задержана русской цензурой, но отчасти вследствие моей репутации как писателя, отчасти потому, что она заинтересовала людей, книга эта распространилась в рукописях и литографиях в России и в переводах за границей и вызвала, с одной стороны, от людей, разделяющих мои мысли, ряд сведений о сочинениях, писанных об этом же предмете, с другой стороны, ряд критик на мысли, высказанные в самой книге.

Как то, так и другое, вместе с историческими явлениями последнего времени, выяснило для меня очень многое и привело меня к новым выводам и заключениям, которые я и хочу высказать.

Прежде скажу о тех сведениях, которые я получил об истории вопроса о непротивлении злу; потом о тех суждениях об этом вопросе, которые были высказаны как духовными, т. е. исповедующими христианскую религию, критиками, так и светскими, т. е. не исповедующими христианскую религию; и, наконец, те выводы, к которым я был приведен и теми и другими, и историческими событиями последнего времени.

I

Одним из первых откликов на мою книгу были письма от американских квакеров. В письмах этих, выражая свое сочувствие моим взглядам о незаконности для христианина всякого насилия и войны, квакеры сообщили мне подробности о своей, так называемой, секте,

более 200 лет исповедующей на деле учение Христа о непротivлении злу насилieм и не употреблявшей и теперь не употребляющей для защиты себя оружия. Вместе с письмами квакеры присылали мне свои брошюры, журналы и книги. Из этих присланных мне ими журналов, брошюр и книг я узнал, до какой степени уже много лет тому назад ими неопровержимо была доказана для христианина обязанность выполнения заповеди о непротivлении злу насилieм и была обличена неправильность церковного учения, допускающего казни и войны.

Целым рядом рассуждений и текстов доказав то, что с религией, основанной на миролюбии и благоволении к людям, несовместима война, т. е. калечение и убийство людей, квакеры утверждают и доказывают, что ничто столько не содействовало затемнению Христовой истины в глазах язычников и не мешало распространению христианства в мире, как непризнание этой заповеди людьми, именовавшими себя христианами, – как разрешение для христиан войны и насилia.

«Христово учение, вошедшее в сознание людей не посредством меча и насилia, говорят они, а посредством непротivления злу, посредством кротости, смирения и миролюбия, – только примером мира, согласия и любви между своими последователями и может распространиться в мире.

«Христианин, по учению самого бога, может быть руководим в отношениях к людям только миролюбием, и потому не может быть такого авторитета, который заставил бы христианина действовать протivно учению бога и главного свойства христианина по отношению своих близких.

«Правило государственной необходимости, говорят они, может заставить изменить закону бога тех, которые ради житейских выгод стараются согласить несогласимое, но для христианина, который истинно верит тому, что следование учению Христа дает ему спасение, правило это не может иметь никакого значения».

Знакомство с деятельностью квакеров и их сочинениями: с Фоксом, Пэном и в особенности с книгой Даймонда (Dymond) 1827 г. – показало мне, что не только давным-давно сознана невозможность соединения христианства с насилieм и войною, но что эта несовместимость давным-давно так ясно и несомненно доказана, что надо только удивляться, каким образом может продолжаться это невозможное соединение христианского учения с насилieм, которое проповедовалось и продолжает проповедоваться церквами.

Кроме сведений, полученных мною от квакеров, около этого же времени я получил тоже из Америки сведения о том же предмете из совершенно другого и прежде мне вовсе неизвестного источника.

Сын Вильяма Ллойда Гаррисона, знаменитого борца за свободу негров, писал мне, что, прочтя мою книгу, в которой он нашел мысли, сходные с теми, которые были выражены его отцом в 1838 году, он, полагая, что мне будет интересно узнать это, присылает мне составленную его отцом почти 50 лет тому назад декларацию или провозглашение непротivления – «Non-resistance».

Провозглашение это возникло при следующих условиях: Вильям Ллойд Гаррисон, рассуждая в существовавшем в 1838 году в Америке обществе для установления мира между людьми о мерах прекращения войны, пришел к заключению, что установление всеобщего мира может быть основано только на явном признании заповеди непротivления злу насилieм (Мф. V, 39) во всем ее значении, так, как понимают ее квакеры, с которыми Гаррисон находился в дружеских сношениях. Придя к такому заключению, Гаррисон и составил тогда и предложил обществу следующее провозглашение, которое было подписано тогда, в 1838 году, многими членами.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ОСНОВ, ПРИНЯТЫХ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА, ОСНОВАННОГО ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ ВСЕОБЩЕГО МИРА.

Бостон, 1838 г.

Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим долгом по отношению к себе, к делу, близкому нашему сердцу, к стране, в которой мы живем, и ко всему остальному миру, огласить это наше исповедание, выразив в нем те основы, которых мы держимся, цели, к которым мы стремимся, и средства, которые мы намерены употреблять для достижения всеобщего благодетельного и мирного переворота. Вот это наше исповедание.

Мы не признаем никакого человеческого правительства. Мы признаем только одного царя и законодателя, только одного судью и правителя над человечеством. Отечеством нашим мы признаем весь мир, соотечественниками своими признаем всё человечество. Мы любим свою родину столько же, сколько мы любим и другие страны. Интересы, права наших сограждан нам не дороже интересов и прав всего человечества. Поэтому мы не допускаем того, чтобы чувство патриотизма могло оправдывать мщение за обиду или за вред, нанесенный нашему народу...

Мы признаем, что народ не имеет права ни защищать себя от внешних врагов, ни нападать на них. Мы признаем также, что отдельные лица в своих личных отношениях не могут иметь этого права. Единица не может иметь большего значения, чем совокупность их. Если правительство не должно оказывать сопротивления чужестранным завоевателям, имеющим целью опустошать наше отечество и избивать наших сограждан, то точно так же не должно быть оказываемо сопротивление силою отдельным лицам, нарушающим общественное спокойствие и грозящим частной безопасности. Проповедуемое церквями положение о том, что все государства на земле установлены и одобряемы богом и что все власти, существующие в Соединенных Штатах, в России, в Турции, соответствуют воле бога, столь же нелепо, как и кощунственно. Это положение представляет творца нашего существом пристрастным и устанавливающим и поощряющим зло. Никто не решится утверждать того, чтобы власти, существующие в какой бы то ни было стране, действовали по отношению к своим врагам в духе учения и по примеру Христа. А потому деятельность этих властей не может быть приятна богу и потому и власти эти не могли быть установлены богом и должны быть низвергнуты не силою, но духовным возрождением людей.

Мы признаем нехристианскими и незаконными не только самые войны – как наступательные, так и оборонительные, – но и все приготовления к войнам: устройство всяких арсеналов, укреплений, военных кораблей; признаем нехристианским и незаконным существование всяких постоянных армий, всякого военного начальства, всяких памятников, воздвигнутых в честь побед или павших врагов, всяких трофеев, добытых на поле сражения, всяких празднований военных подвигов, всяких присвоений, совершенных военной силой; признаем нехристианским и незаконным всякое правительственное постановление, требующее военной службы от своих подданных.

Вследствие всего этого мы считаем для себя невозможным не только службу в войсках, но и занятие должностей, обязующих нас принуждать людей поступать хорошо под страхом тюрьмы или смертной казни. Мы поэтому добровольно исключаем себя из всех правительственных учреждений и отказываемся от всякой политики, от всех земных почестей и должностей.

Не считая себя вправе занимать места в правительственных учреждениях, мы точно так же не считаем себя вправе и избирать на эти места других лиц. Мы также считаем себя не вправе судиться с людьми, чтобы заставить их возвратить взятое у нас. Мы считаем, что мы

обязаны отдать и кафтан тому, кто взял нашу рубашку, но никак не подвергать его насилию. Мф. V, 40.

Мы верим в то, что уголовный закон Ветхого Завета: око за око, зуб за зуб – отменен Иисусом Христом и что по Новому Завету всем его последователям проповедуется прощение врагам вместо мщения, во всех случаях без исключения. Вымогать же насилием деньги, запереть в тюрьму, ссылать или казнить, очевидно, не есть прощение обид, а мщение.

История человечества наполнена доказательствами того, что физическое насилие не содействует нравственному возрождению, и что греховные наклонности человека могут быть подавлены лишь любовью, что зло может быть уничтожено только добром, что не должно надеяться на силу руки, чтоб защищать себя от зла, что настоящая безопасность для людей находится в доброте, долготерпении и милосердии, что лишь кроткие наследуют землю, а поднявшие меч от меча погибнут.

И поэтому, как для того, чтобы вернее обеспечить жизнь, собственность, свободу, общественное спокойствие и частное благо людей, так и для того, чтобы исполнить волю того, кто есть царь царствующих и господь господствующих, мы от всей души принимаем основное учение непротивления злу злом, твердо веруя, что это учение, отвечая всем возможным slučajностям и выражая волю бога, в конце концов должно восторжествовать над всеми злыми силами. Мы не проповедуем революционного учения. Дух революционного учения есть дух мести, насилия и убийства. Он не боится бога и не уважает личности человека. Мы же желаем быть преисполнены духа Христова. Следуя основному нашему правилу непротивления злу злом, мы не можем производить заговоров, смут или насилий. Мы подчиняемся всем узаконениям и всем требованиям правительства, кроме тех, которые противны требованиям Евангелия. Сопротивление наше ограничивается покорным подчинением, имеющим быть наложенным на нас за неповиновение, наказаниям. Намереваясь без сопротивления переносить все направленные на нас нападения, мы, между тем, с своей стороны, намерены не переставая нападать на зло мира, где бы оно ни было, вверху или внизу, в области политической, административной или религиозной, стремясь всеми возможными для нас средствами к осуществлению того, чтобы царства земные слились в одно царство господа нашего Иисуса Христа. Мы считаем несомненной истиной то, что всё то, что противно Евангелию и духу его и потому подлежит уничтожению, должно быть сейчас же уничтожаемо. И потому, если мы верим предсказанию о том, что наступит время, когда мечи перекуются на орала и копыя на серпы, мы сейчас же, не откладывая этого на будущее время, должны делать это по мере сил наших. И потому все те, которые выделывают, продают, употребляют оружие, содействуют всяким военным приготовлениям, этим самым вооружаются против мирного господства сына божьего на земле. Высказав наши основы, скажем теперь о том, какими путями мы надеемся достигнуть нашей цели. Мы надеемся победить «безумием проповеди».

Мы будем стараться распространять свои взгляды среди всех людей, к каким бы народам, исповеданиям и слоям общества они ни принадлежали. Для этой цели мы будем устраивать публичные чтения, распространять печатные объявления и брошюры, составлять общества и подавать прошения во всякие правительственные учреждения. Вообще будем стремиться всеми доступными для нас средствами к достижению коренного переворота во взглядах, чувствах и действиях нашего общества относительно греховности насилия по отношению к внешним и внутренним врагам. Принимаясь за это великое дело, мы вполне сознаем, что наша искренность может быть подвергнута жестоким испытаниям. Наша задача может навлечь на нас оскорбления, обиды, страдания и даже смерть. Нас ожидает непонимание, ложное толкование и клевета. Против нас должна подняться буря. Гордость и фарисейство, честолюбие и жестокость, правители и власти, – всё это может соединиться, чтоб уничтожить нас. Таким образом поступали с мессией, которому мы стремимся подражать по мере сил своих. Но нас не пугают эти ужасы. Мы надеемся не на людей, а на всемогущего господа. Если мы отказались от

человеческого заступничества, что же может поддержать нас, как не одна вера, побеждающая мир? Мы не будем удивляться тем испытаниям, которым мы подвергнемся, а будем радоваться тому, что удостоимся разделить страдания Христа.

Вследствие всего этого мы передаем души свои богу, веруя тому, что сказано, что тот, кто оставит дома и братьев и сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или поля ради Христа, получит во сто раз больше и наследует жизнь вечную. Итак, твердо веруя, несмотря на всё, что может вооружиться против нас, в несомненное торжество во всем мире основ, выраженных в этом провозглашении, мы прилагаем здесь свои подписи, надеясь на разум и совесть человечества, более же всего на силу Божию, которой и вручаем себя.

Вслед за этим провозглашением были основаны Гаррисоном общество непротivления и журнал, называвшийся «Непротivляющимся» («Non-resistant»), в котором проповедовалось учение непротivления во всем его значении и со всеми его последствиями, как оно было выражено в провозглашении. Сведения о дальнейшей судьбе общества и журнала непротivления получены мною из прекрасной биографии В. Л. Гаррисона, составленной его сыновьями.

Общество и журнал просуществовали недолго: большинство сотрудников Гаррисона по делу освобождения рабов, опасаясь того, чтобы слишком радикальные требования, выраженные в журнале «Непротivляющемся», не оттолкнули людей от практического дела освобождения негров, – большинство сотрудников отказалось от исповедания принципа непротivления, как он был выражен в провозглашении, и общество и журнал прекратили свое существование.

Это провозглашение Гаррисона, так сильно и красноречиво выражавшее такое важное для людей исповедание веры, казалось, должно бы было поразить людей и сделаться всемирно известным и предметом всестороннего обсуждения. Но ничего подобного не было. Оно не только не известно в Европе, но среди американцев, столь высоко чтущих память Гаррисона, провозглашение это почти неизвестно.

Та же неизвестность постигла и другого борца за непротivление злу, недавно умершего, в продолжение 50 лет проповедовавшего это учение, американца Адина Баллу. До какой степени мало известно всё то, что относится к вопросу непротivления, видно из того, что Гаррисон-сын, написавший превосходную, в 4-х больших томах, биографию своего отца, этот Гаррисон-сын на вопрос мой о том, существует ли теперь общество непротivления и есть ли последователи его, отвечал мне, что, сколько ему известно, общество это распалось и последователей этого учения не существует, тогда как в то время, когда он писал мне, жил в Массачусете, в Норедале, Адин Баллу, участвовавший в трудах отца Гаррисона и посвятивший 50 лет жизни на проповедь устно и печатно учения непротivления. Впоследствии я получил письмо от Вильсона, ученика и помощника Баллу, и вошел в сношения с самим Баллу. Я написал Баллу, и он отвечал мне и прислал мне свои сочинения. Вот некоторые выписки из них.

«Иисус Христос – мой господь и учитель, – говорит Баллу в одной из статей, обличающей непоследовательность христиан, признающих право защиты и войны. – Я обещал, оставив всё, следовать за ним, на худое и доброе до самой смерти. Но я гражданин демократической республики Соединенных Штатов, которой я присягал в верности в том, что я буду поддерживать конституцию моей страны, если нужно жертвою жизни. Христос требует от меня, чтобы я сделал другим то, что я хотел бы, чтобы мне делали. Конституция Соединенных Штатов требует от меня, чтобы я делал двум миллионам рабов (тогда были рабы, теперь на место их смело можно поставить рабочих) как раз обратное тому, что бы я хотел, чтобы мне делали, т. е. содействовал бы тому, чтобы держать их в том рабстве, в котором они находятся. И это ничего, я продолжаю избирать или избираться, я помогаю управлять, я даже готов быть выбран на какую-либо должность управления. Это не мешает мне быть христианином. Я продолжаю исповедовать и не нахожу затруднения исполнять завет с Христом и с правительством.

«Иисус Христос запрещает мне противиться делающим зло и лишать их ока за око и зуба за зуб, крови за кровь, жизни за жизнь.

«Мое правительство требует от меня как раз противоположного и защиту себя основывает на виселице, ружье, мече, употребляемых против своих домашних и внешних врагов. И соответственно этому страна снабжается виселицами, тюрьмами, арсеналами, военными кораблями и солдатами.

«В поддержании и употреблении этих дорогостоящих убийственных приспособлений мы можем весьма удобно осуществить добродетель *прощения обижающих нас, любви к врагам, благословения проклинающих нас и делания добра ненавидящим нас*. Для этой цели у нас есть постоянные христианские священники, чтобы молиться за нас и призывать благословение божие на святые убийства. Я всё это вижу (т. е. противоречие исповедания и жизни) и продолжаю и исповедовать и управлять и горжусь тем, что *я в одно и то же время и набожный христианин и преданный слуга правительству*. Не хочу я согласиться с этим безумным понятием непротивления. Не могу я отказаться от своего влияния и оставить одних безнравственных людей во главе правительства. Конституция говорит: правительство имеет право объявлять войну, и я соглашаюсь, я поддерживаю это, я клянусь, что буду поддерживать. Я от этого не перестаю быть христианином. Война тоже христианская обязанность. Разве не христианское дело убить сотни тысяч ближних, насиловать женщин, разорять и сжигать города и делать всевозможные жестокости? Пора бросить все эти выдуманные сентиментальности. Это самое настоящее средство прощать обиды и любить врагов. Если мы только делаем это в духе любви, ничего не может быть более христианского, как такое огульное убийство».

В другой брошюре, под заглавием: «*Сколько нужно людей, чтобы преобразить злодейство в праведность*», он говорит: «Один человек не должен убивать. Если он убил, он преступник, он убийца. Два, десять, сто человек, если они делают это, – они убийцы. Но государство или народ может убивать, сколько он хочет, и это не будет убийство, а хорошее, доброе дело. Только собрать побольше народа, и бойня десятков тысяч людей становится невинным делом. Но сколько именно нужно людей для этого?»

Вот в чем вопрос. Один не может красть, грабить, но целый народ может. Но сколько именно нужно для этого? Почему 1, 10, 100 человек не должны нарушать закона бога, а очень много могут?»

А вот катехизис Баллу, составленный для его паствы.

КАТЕХИЗИС НЕПРОТИВЛЕНИЯ⁴³

Вопр. – Откуда взято слово «непротивление»?

Отв. – Из изречения: *не противься злу*. Мф. V, 39.

Вопр. – Что выражает это слово?

Отв. – Оно выражает высокую христианскую добродетель, предписываемую Христом.

Вопр. – Следует ли слово непротивление принимать в самом его обширном смысле, т. е. что оно указывает на то, чтобы не делать никакого *сопротивления злу*.

Отв. – Нет, оно должно быть понимаемо в точном смысле наставления Спасителя, т. е. не платить *злом за зло*. Злу должно противиться всякими праведными средствами, но никак не злом.

Вопр. – Из чего видно, что Христос в таком смысле предписал непротивление?

Отв. – Из слов, которые он при этом сказал. Он говорил: Вы слышали, что сказано древним: око за око, зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злу. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую, и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

Вопр. – О ком он говорил в словах: вы слышали, что сказано?

⁴³ Перевод сделан свободно, с некоторыми пропусками.

Отв. – О патриархах и пророках, о том, что они сказали, – что содержится в писаниях Ветхого Завета, который евреи обыкновенно называют *Закон и пророки*.

Вопр. – Какие предписания разумел Христос под словами: «вам сказано»?

Отв. – Те предписания, в которых Ной, Моисей и другие пророки дают право причинять личный вред носителям вреда, чтобы наказывать и уничтожать злые дела.

Вопр. – Приведите такие предписания.

Отв. – «Кто прольет кровь человеческую между людьми, того самого кровь прольется». Быт. IX, 6.

«Кто ударит человека так, что тот умрет, да будет предан смерти. А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб». Исх. XXI, 12, 23, 25.

«Кто убьет какого-либо человека, тот предан будет смерти». «А кто сделает повреждение ближнему своему, тому должно сделать то же, что он сделал». «Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб». Лев. XXIV, 17, 19, 20.

«А судьи должны хорошо исследовать, и если свидетель тот есть свидетель ложный, ложно донес на брата своего, то поступайте с ним так, как он умышлял поступить с братом своим. Да не пощадит его глас твой: душу за душу, око за око, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу». Второз. XIX, 18, 21.

Вот предписания, о которых говорит Иисус.

Ной, Моисей и пророки учили так, что тот, кто убивает, калечит или мучает своих ближних, делает зло. Чтобы противиться такому злу и уничтожить его, нужно делающего зло наказывать смертью или искалечением или каким-нибудь личным мучением. Обиде нужно противопоставить обиду, убийству – убийство, мучению – мучение, злу – зло. Так учили Ной, Моисей и пророки. Но Христос отрицает всё это. «Я говорю вам, написано в Евангелии: не противься злему, не противься обиде – обидою, но скорее перенеси повторенную обиду от делающего зло». То, что было позволено, запрещается. Понявши, какого рода противлению они учили, мы точно знаем, чему учит непротивление Христа.

Вопр. – Допускали ли древние сопротивление обиде обидою?

Отв. – Да. Но Иисус запретил это. Христианин ни в каком случае не имеет права лишать жизни или подвергать обиде делающего зло ближнего.

Вопр. – Может ли он убить, или искалечить другого при самообороне?

Отв. – Нет.

Вопр. – Может ли он войти с жалобой в суд с той целью, чтобы его обидчик был наказан?

Отв. – Нет. Ибо, что он делает через других, в сущности он сам делает.

Вопр. – Может ли он сражаться в войске против неприятелей или против домашних бунтовщиков?

Отв. – Конечно, нет. Он не может принимать никакого участия в войне или воинских приготовлениях. Он не может употреблять смертоносного оружия. Он не может противиться обиде обидой, всё равно один ли он, или вместе с другими, сам или через других людей.

Вопр. – Может ли он добровольно выбирать, или снаряжать военных людей правительству?

Отв. – Он не может делать ничего этого, если хочет быть верным закону Христа.

Вопр. – Может ли он добровольно давать деньги для помощи правительству, поддерживаемому военной силой, смертной казнью, вообще насилием?

Отв. – Нет, если только деньги не предназначены на какой-нибудь особый предмет, справедливый в самом себе, где и цель и средства добрые.

Вопр. – Может ли он платить подати такому правительству?

Отв. – Нет, он не должен добровольно платить подати, но не должен противиться взиманию податей. Подать, налагаемая правительством, взыскивается независимо от воли поддан-

ных. Ей нельзя противиться, не прибегая самому к насилию. Насилия же христианин употреблять не может, поэтому он должен предоставить прямо *свою собственность* насильственному ущербу, производимому властями.

Вопр. – Может ли христианин подавать голос при выборах и участвовать в суде или управлении?

Отв. – Нет, участие в выборах, суде или управлении есть участие в правительственном насилии.

Вопр. – В чем главное значение учения о непротавлении?

Отв. – В том, что оно одно дает возможность вырвать с корнем зло, как из своего сердца, так и из сердца ближнего. Учение это запрещает делать то, чем увековечивается и умножается зло в мире. Тот, кто нападает на другого и обижает его, зажигает в другом чувство ненависти, корень всякого зла. Обидеть другого, потому что он нас обидел, будто бы для того, чтобы устранить зло, значит повторить дурное дело и над ним и над собой, значит *породить* или по крайней мере *освободить* – *поощрить* того самого демона, которого мы будто бы хотим изгнать. Сатана не может быть изгнан сатаной, неправда не может быть очищена неправдою, и зло не может быть побеждено злом.

Истинное *непротавление* есть единственное настоящее сопротивление злу. Оно сокрушает голову змия. Оно убивает и вконец истребляет злое чувство.

Вопр. – Но если мысль учения и верна, то исполнимо ли оно?

Отв. – Так же исполнимо, как всякое добро, предписываемое законом Божиим. Добро не может быть исполняемо во всех обстоятельствах без самоотречения, лишения, страдания и, в крайних случаях, без потери самой жизни. Но тот, кто дорожит жизнью более, чем исполнением воли бога, уже мертв для единственной истинной жизни. Такой человек, стараясь спасти свою жизнь, потеряет ее. Кроме того, и вообще там, где непротавление стоит пожертвования одною жизнью или каким-нибудь существенным благом жизни, протавление стоит таких жертв тысячи.

Непротавление сохраняет – протавление разрушает.

Несравненно безопаснее поступать справедливо, чем несправедливо; сносить обиду, чем противиться ей насилием, – безопаснее даже в отношении к настоящей жизни. Если бы все люди не противились злу злом, наш мир был бы блажен.

Вопр. – Но когда лишь немногие будут так поступать, что станет с ними?

Отв. – Если бы так поступал даже только один человек, а все остальные согласились распять его, то не более ли славно было бы ему умереть в торжестве непротавляющейся любви, молясь за врагов своих, чем жить, нося корону Цезаря, обрызганную кровью убитых? Но один ли, или тысячи людей, твердо решивших не противиться злу злом, всё равно среди просвещенных ли, или среди диких ближних, гораздо больше безопасны от насилия, чем те, которые полагаются на насилие. Разбойник, убийца, обманщик скорее оставит их в покое, чем тех, кто сопротивляется оружием. Взявшие меч от меча погибнут, а ищущие мира, поступающие дружелюбно, безобидно, забывающие и прощающие обиды большею частью наслаждаются миром или если умирают, то умирают благословляемыми.

Таким образом, если бы все соблюдали заповедь непротавления, то, очевидно, не было бы ни обиды, ни злодейства. Если бы таких было большинство, то они установили бы управление любви и доброжелательства даже над обижающими, никогда не противясь злу злом, никогда не употребляя насилия. Если бы таких людей было довольно многочисленное меньшинство, то они произвели бы такое исправительное нравственное действие на общество, что всякое жестокое наказание было бы отменено, а насилие и вражда заменились бы миром и любовью. Если бы их было только малое меньшинство, то оно редко испытало бы что-нибудь худшее, чем презрение мира, а мир между тем, сам того не чувствуя и не будучи за то благодарен, постоянно становился бы мудрее и лучше от этого тайного воздействия. И если бы в самом

худшем случае некоторые из членов меньшинства были бы гонимы до смерти, то эти погибшие за правду оставили бы по себе свое учение, уже освященное их мученической кровью.

Да будет мир со всеми, кто ищет мира, и всепобеждающая любовь да будет негибнущим наследием всякой души, добровольно подчиняющейся закону Христа:

«Не противься злу насилием».

Баллу в продолжение 50 лет писал и издавал книги преимущественно о вопросе непротivления злу насилием. В сочинениях этих, прекрасных по ясности мысли и красоте изложения, вопрос рассмотрен со всех возможных сторон. Устанавливается обязательность этой заповеди для всякого христианина, исповедующего Библию как божеское откровение. Приводятся все обычные возражения против заповеди непротivления как из Ветхого Завета, так и из Нового, как, например: изгнание из храма и т. п. и на все выставляются опровержения; показывается независимо от писания практическая разумность этого правила, и выставляются все обычно делаемые против нее возражения и опровергаются. Так, одна глава его сочинения трактует о непротivлении злу в исключительных случаях, в которой он признает, что если бы были случаи, в которых невозможно применение непротivления злу, то это доказывало бы, что правило это вообще несостоятельно. Приводя эти исключительные случаи, он доказывает, что именно в них-то и нужно и разумно применение этого правила. Нет стороны вопроса, как для сторонников его, так и для противников, которая бы не была исследована в этих сочинениях. Всё это я говорю для того, чтобы показать тот несомненный интерес, который должны бы иметь такие сочинения для людей, исповедующих христианство, и что потому, казалось бы, деятельность Баллу должна бы была быть известной, и мысли, выраженные им, должны бы были или признаны, или опровергнуты; но ничего подобного не было.

Деятельность Гаррисона-отца с его основанием общества непротivляющихся и декларация еще более, чем сношения мои с квакерами, убеждали меня в том, что отступление государственного христианства от закона Христа о непротivлении насилием есть дело, давно замеченное и указанное и для обличения которого работали и не перестают работать люди. Деятельность Баллу еще более подтвердила мне это. Но судьба и Гаррисона и в особенности Баллу, никому не известного, несмотря на 50 лет упорной и постоянной работы в одном и том же направлении, подтвердила для меня и то, что существует какой-то невысказанный, но твердый уговор замалчивания всех таких попыток.

В августе 1890 года Баллу скончался, и в американском христианского направления журнале (*Religio-Philosophical journal*, August 23) был его некролог.

В хвалебном некрологе этом пишется о том, что Баллу был духовным руководителем общины, что он произнес от 8 до 9 тысяч проповедей, женил 1000 пар и написал около 500 статей, но ни одного слова не сказано о той цели, которой он посвятил свою жизнь, не сказано даже и слова: «непротivление».

Как всё то, что 200 лет проповедуют квакеры, как деятельность Гаррисона-отца, основание его общества и журнала, его провозглашение, так и вся деятельность Баллу точно как будто не существуют и не существовали.

Поразительным примером такой неизвестности сочинений, направленных на разъяснение непротivления злу насилием и обличение тех, которые не признают этой заповеди, служит судьба книги чеха Хельчицкого, только недавно ставшей известной и до сих пор еще не напечатанной.

Вскоре по выходе моей книги по-немецки я получил из Праги письмо от профессора тамошнего университета, сообщившее мне о существовании никогда нигде не напечатанного сочинения чеха Хельчицкого XV века, под названием «*Сеть веры*». В сочинении этом, как писал мне профессор, Хельчицкий около 4-х веков тому назад высказывал тот же взгляд на истинное и ложное христианство, который высказывал и я в сочинении «В чем моя вера?». Профессор писал мне, что сочинение Хельчицкого должно было быть издано в первый раз на

чешском языке в журнале Петербургской академии наук. Не имея возможности достать самое сочинение, я постарался познакомиться с тем, что известно о Хельчицком, и такие сведения я получил из немецкой книги, присланной мне тем же пражским профессором, и из истории чешской литературы Пыпина. Вот что сказано у Пыпина:

«Сеть веры» есть учение Христово, которое должно извлекать человека из темной глубины житейского моря и его неправд. Истинная вера состоит в том, чтобы верить божьим словам; но теперь пришло такое время, что люди истинную веру принимают за ересь, и поэтому разум должен указать, в чем состоит истинная вера, если кто этого не знает. Тьма закрыла ее от людей, и они не узнают истинного закона Христа.

«Для объяснения этого закона Хельчицкий указывает на первобытное устройство христианского общества, – то устройство, которое, говорит он, считается теперь в римской церкви гнусным еретичеством.

«Эта первобытная церковь была его собственным идеалом общественного устройства, основанного на равенстве, свободе и братстве. Христианство, по мнению Хельчицкого, до сих пор хранит в себе эти основания, нужно только, чтоб общество возвратилось к его чистому учению, и тогда оказался бы излишним всякий иной порядок, которому нужны короли и папы: во всем достаточно одного закона любви...

«Исторически Хельчицкий относит упадок христианства ко временам Константина Великого, которого папа Сильвестр ввел в христианство со всеми языческими нравами и жизнью. Константин, в свою очередь, наделил папу светским богатством и властью. С тех пор обе власти постоянно помогали друг другу и стремились только к внешней славе. Доктора и магистры и духовное сословие стали заботиться только о том, чтобы покорить весь свет своему владычеству, вооружали людей друг против друга на убийства и грабежи и совсем уничтожили христианство в вере и в жизни. Хельчицкий совершенно отвергает право войны и смертную казнь: всякий воин, даже и «рыцарь», есть только насильник, злодей и убийца».

То же, с некоторыми биографическими подробностями и выдержками из переписки Хельчицкого, сказано и в немецкой книге.

Узнав, таким образом, сущность учения Хельчицкого, я с тем большим нетерпением ожидал появления «Сети веры» в журнале Академии. Но прошел год, два, три – книга не появлялась. Только в 1888 году я узнал, что начатое печатание книги приостановилось. Я достал корректурные листы того, что было отпечатано, и прочел книгу. Книга во всех отношениях удивительная.

Содержание ее совершенно верно передано Пыпиным. Основная мысль Хельчицкого та, что христианство, соединившись с властью при Константине и продолжая развиваться в этих условиях, совершенно извратилось и перестало быть христианством. Заглавие «Сеть веры» дано Хельчицким его сочинению потому, что, взяв эпиграфом стих Евангелия о призвании учеников с тем, чтобы они стали ловцами людей, Хельчицкий, продолжая это сравнение, говорит: «Христос посредством учеников захватил в свою сеть веры весь мир, но большие рыбы, пробив сеть, выскочили из нее и в поделанные этими большими рыбами дыры ушли и все остальные, так что сеть осталась почти пустая».

Большие рыбы, пробившие сеть, это властители, императоры, папы, короли, которые, не отказываясь от власти, приняли не христианство, а только личину его.

Хельчицкий учит тому же, чему учили и учат теперь непротивляющиеся менониты, квакеры, в прежние времена – богомилы, павликиане и многие другие. Он учит тому, что христианство, требующее от своих последователей кротости, смирения, незлобия, прощения обид, подставления другой щеки, когда бьют по одной, любви к врагам, – несовместимо с насилием, составляющим необходимое условие власти.

Христианин, по толкованию Хельчицкого, не только не может быть начальником или солдатом, но не может принимать никакого участия в управлении, не может быть торговцем или даже землевладельцем, а может быть только или ремесленником, или земледельцем.

Книга эта – одна из редких, уцелевших от костров книг, обличающих официальное христианство. Все такие книги, называемые еретическими, сожжены вместе с авторами, так что древних сочинений, обличающих отступление официального христианства, очень мало, и потому эта книга особенно интересна.

Но, кроме того, что она интересна, как ни смотреть на нее, книга эта есть одно из замечательнейших произведений мысли и по глубине содержания, и по удивительной силе и красоте народного языка, и по древности. А между тем книга эта остается, вот уже более четырех веков, ненапечатанной и продолжает быть неизвестной, за исключением ученых специалистов.

Казалось бы, что все такого рода сочинения и квакеров, и Гаррисона, и Баллу, и Хельчицкого, утверждающие и доказывающие на основании Евангелия, что наш мир ложно понимает учение Христа, должны бы возбуждать интерес, волнение, шум, споры в среде как пастырей, так и пасомых.

Сочинения такого рода, затрагивающие самую сущность христианского учения, должны бы были, казалось, быть разобраны и признаны справедливыми или отвергнуты и опровергнуты.

Но ничего подобного нет. Со всеми этими сочинениями повторяется одно и то же. Люди самых разных взглядов, как верующие, так и – что достойно удивления – неверующие либералы, как бы сговорившись, все одинаково упорно молчат о них, и всё то, что делается людьми для разъяснения истинного смысла учения Христа, остается неизвестным или забытым.

Но еще более удивительна неизвестность двух сочинений, о которых я узнал тоже по случаю появления моей книги. Это книга Dymond'a «On war» – «О войне», изданная в первый раз в Лондоне в 1824 году, и Daniel Musser'a «О непротивлении», написанная в 1864 году. Неизвестность этих книг удивительна особенно потому, что, не говоря о достоинстве их, обе книги трактуют не столько о теории, сколько о практическом приложении теории к жизни, об отношении христианства к военной службе, что теперь особенно важно и интересно при общей воинской повинности.

Спросят, может быть: как же обязан поступить подданный, который верит, что война несовместима с его религиею, но от которого правительство требует участия в военной службе?

Кажется, что это вопрос самый живой и такой, на который ответ при теперешней общей воинской повинности особенно важен. Все или огромное большинство людей – христиане, и все мужчины призываются к военной службе. Как же должен человек, как христианин, отвечать на это требование? Ответ Dymond'a такой:

«Обязанность его состоит в том, чтобы с кротостью, но и с твердостью отказаться от службы.

«Есть некоторые люди, которые без всякого определенного рассуждения прямо почему-то заключают, что ответственность за государственные меры ложится только на тех, которые распоряжаются, или что правительство и цари решают вопросы о том, что хорошо или дурно для подданных, и что подданные обязаны только повиноваться. Я думаю, что рассуждения такого рода только отуманивают совесть людей. «Я не могу не участвовать в совете правительства и потому не ответствен в его преступлениях». Правда, мы не ответственны в преступлениях правителей, но мы ответственны в своих собственных преступлениях. И преступления правителей делаются нашими, если мы, зная, что это преступления, содействуем их совершению... Те, которые полагают, что они обязаны повиноваться правительству и что ответственность за совершаемые ими преступления переносится с них на их государей, сами себя обманывают.

«Говорят: «мы передаем свои поступки воле других людей, и наши поступки не могут быть ни дурными, ни хорошими; в наших поступках не может быть ни заслуги за доброе, ни ответственности за злое, так как они совершаются не по нашей воле».

Замечательно, что это самое выражено в наставлении солдатам, которое их заставляют заучивать: там сказано, что только начальник отвечает за последствия своего приказа.

Но это несправедливо. Человек не может снять с себя ответственности за свои поступки. И это видно из следующего: «Если начальник велит вам убить ребенка вашего соседа, убить вашего отца, вашу мать, послушаетесь ли вы? Если же вы не послушаетесь, то и всё рассуждение никуда не годится, потому что если вы можете не послушаться правителей в одном случае, то где же вы найдете тот предел, до которого вы можете повиноваться? Нет другого предела, кроме того, который определен христианством, и предел этот и разумен и исполним.

«И потому мы полагаем, что обязанность каждого человека, считающего, что война несовместима с христианством, – кротко, но твердо отказаться от военной службы. И пусть те, которым приходится так поступать, пусть они помнят, что на них лежит великая обязанность. От их верности своей религии зависит – настолько, насколько она зависит от людей, – судьба мира в человечестве. Пускай они исповедуют свое убеждение и защищают его. И не одними словами, но и страданиями, если то будет нужно. Если вы верите, что Христос запретил убийство, не верьте ни суждениям, ни приказам людей, призывающих вас к участию в нем. Таким твердым отказом от участия в насилии вы привлечете к себе благословение, данное тем, которые слышат слова эти и исполняют их, и придет время, когда и мир почтит вас как участников в возрождении человечества».

Книга Мосера называется «*Утверждение непротивления*» или «*Разделение царства Христа и царства мира сего*», в 1864. «Non-resistance asserted» или «Kingdom of Christ and kingdom of this world separated».

Книга эта посвящена тому же вопросу и разъясняет его по случаю требования американским правительством от своих граждан военной службы во время междоусобной войны. И тоже имеет самое современное значение, разъясняя вопрос о том, как, при каких условиях люди должны и могут отказываться от военной службы. В вступлении автор говорит:

«Известно, что в Соединенных Штатах есть много людей, сознательно отрицающих войну. Их называют «непротивляющимися» (non-resistant) или «беззащитными» (defenceless) христианами. Эти христиане отказываются защищать свою страну, носить оружие и, по требованию правительства, воевать против его врагов. До сих пор эта религиозная причина была уважаема правительством, и те, которые выставляли ее, были освобождаемы от службы. Но с началом нашей междоусобной войны общественное мнение возмущено этим обстоятельством. Естественно, что лица, считающие своей обязанностью нести все тяжести и опасности военной жизни для защиты своего отечества, чувствуют недоброжелательство к тем лицам, которые вместе с ними в продолжение долгого времени пользовались покровительством и выгодами правительства; во время же нужд и опасности не хотят участвовать в несении трудов и опасности для защиты его. Естественно даже и то, что положение таких людей признают неразумным, уродливым и признают его подозрительным».

«Много ораторов и писателей, – говорит автор, – восстали против такого положения и старались доказать несправедливость непротивления и по здравому смыслу и по писанию; и это совершенно естественно, и во многих случаях эти писатели правы, – правы в отношении к лицам, которые, отказываясь от трудов военной службы, не отказываются от выгод, получаемых ими от правительств, но – не правы по отношению самого принципа «непротивления». Прежде всего автор доказывает обязательность для христианина правила непротивления тем, что предписание это ясно и что оно без возможности перетолкования дано Христом всякому христианину.

«Судите сами, справедливо ли повиноваться человеку более, чем богу», – сказали Петр и Иоанн. И точно так же всякий человек, желающий быть христианином, должен относиться к требованиям идти на войну, когда Христос сказал ему: «Не противься злу насилием».

Этим вопрос о самом принципе автор считает решенным. Но другой вопрос, о том, имеют ли право отказаться от военной службы лица, не отказывающиеся от выгод, даваемых насилием правительства, автор разбирает подробно и приходит к заключению, что христианин, следующий закону Христа, если он не идет на войну, не может точно так же принимать участия ни в каких правительственных распоряжениях: ни в судах, ни в выборах, – не может точно так же и в личных делах прибегать к власти, полиции или суду. – Далее в книге разбирается отношение Ветхого Завета к Новому, значение правительства для нехристиан; представляются возражения на учение непротивления и опровержения их. Заключает свою книгу автор следующим:

«Христиане не нуждаются в правительстве и потому не могут: ни повиноваться ему в том, что противно учению Христа, ни, тем менее, участвовать в нем».

«Христос избрал своих учеников из мира, – говорит он. – Они не ожидают мирских благ и мирского счастья, а, напротив, они ожидают жизни вечной. Дух, в котором они живут, делает их довольными и счастливыми во всяком положении. Если мир терпит их, они всегда довольны. Если же мир не хочет оставить их в покое, то они уйдут в другое место, так как они странники на земле и у них нет определенного места жительства. Они считают, что мертвые могут хоронить своих мертвецов, им же нужно одно: «следовать за своим учителем».

Не касаясь вопроса о том, верно или неверно определение обязанности христианина по отношению к войне, которая устанавливается в обеих книгах, нельзя не видеть практической важности и настоятельности решения этого вопроса.

Есть люди – есть сотни тысяч квакеров, есть менониты, есть все наши духоборцы, молокане и люди, не принадлежащие ни к каким определенным сектам, которые считают, что насилие, а потому и военная служба – несовместимы с христианством, и потому каждый год у нас в России несколько призываемых людей отказываются от военной службы на основании своих религиозных убеждений. Как же поступает правительство? Отпускает их? – Нет. – Заставляет их идти и, в случае несогласия, наказывает их? – Нет. В 1818 году правительство поступило следующим образом. Вот никому почти в России не известная выписка из дневника Ник. Ник. Муравьева-Карского, не пропущенная цензурой:

2-го октября 1818 г. Тифлис.

Поутру комендант сказал мне, что недавно прислано в Грузию пять крестьян помещичьих Тамбовской губернии. Сии люди были в солдаты сданы, но не хотят служить; их уже несколько раз кнутом секли и сквозь строй гнали, но они отдают себя охотно на самые жестокие мучения и на смерть, дабы не служить. «Отпустите нас, – говорят они, – и не троньте нас, мы никого трогать не будем. Все люди равны, и государь тот же человек, как и мы; зачем мы будем ему подати платить, зачем я буду подвергать свою жизнь опасности, чтобы убить на войне человека, мне не сделавшего никакого зла? Вы можете нас по кускам резать, а мы не переменим своих мыслей, не наденем шинели и не будем пайка есть. Тот, который над нами сжалится, даст нам милостыню, а казенного мы ничего не имели и иметь не хотим». Вот слова сих мужиков, которые уверяют, что им подобных есть множество в России. Их четыре раза водили в Комитет министров и, наконец, решились о том представить государю, который приказал для поправления отправить их в Грузию и предписал главнокомандующему доносить ему ежемесячно о постепенных успехах для приведения сих крестьян к настоящим мыслям».

Чем кончилось это поправление – неизвестно, так как неизвестен и весь эпизод, содержащийся в глубокой тайне.

Так поступало правительство 75 лет тому назад, – так поступало оно в большом количестве случаев, всегда старательно скрывааемых от народа. Так же поступает оно и теперь, за исключением немцев-менонитов, живущих в Херсонской губернии, отказ которых от военной

службы признается уважительным и которых заставляют отбывать сроки службы в работах при лесничестве.

В тех недавних случаях отказа от военной службы, вследствие религиозных убеждений неменонитов, правительственные лица поступали так:

Сначала прилагают все употребляемые в наше время меры насилия для «поправления» отказывающихся и приведения их «к настоящим мыслям» и держат производство этих дел в величайшей тайне. Я знаю, что про одного из отказавшихся в 1884 году в Москве через два месяца после его отказа составилось огромное, толстое дело, хранившееся в министерстве под величайшим секретом.

Начинается обыкновенно с того, что отказывающегося посылают к священникам и, к стыду их, они всегда увещают отказывающихся. – Но так как увещание во имя Христа – отречься от Христа бывает большей частью безуспешным, то отказавшегося после увещания духовных лиц посылают к жандармам. Жандармы обыкновенно, не находя ничего политического, возвращают его назад и тогда отказавшегося посылают к ученым, к врачам и в сумасшедший дом. Во всех этих пересылках отказывающийся, лишенный свободы, терпит всякого рода унижения и страдания, как приговоренный преступник. (Это повторялось в четырех случаях.) Из сумасшедшего дома доктора выпускают отказавшегося, и тогда начинаются всякие тайные, хитрые меры, чтобы и не отпустить отказавшегося, поощрив тем других отказываться так же, как и он, и вместе с тем не оставить его среди солдат, чтобы и солдаты не узнали от него того, что призвание их к военной службе совершается совсем не по закону бога, как их уверяют, а против него.

Самое удобное для правительства было бы казнить отказавшегося: засечь палками или каким-нибудь иным способом, как это делалось прежде. Но казнить открыто человека за то, что он верен учению, которое мы сами исповедуем, – нельзя. Оставить же человека, отказывающегося от повиновения, – тоже нельзя. И вот правительство старается или страданиями заставить этого человека отречься от Христа, или как-нибудь незаметно избавиться от него, не казня его открыто, скрыть как-нибудь и поступок этого человека и его самого от других людей. И начинаются всякого рода уловки и хитрости и мучения этого человека. Или ссылают этого человека на окраины, или вызывают на непослушание и тогда судят за нарушение дисциплины и запирают в тюрьму, дисциплинарный батальон, где уже тайно от всех свободно мучают его, или признают сумасшедшим и запирают в дом умалишенных. Так, одного сослали в Ташкент, т. е. как будто перевели в Ташкентское войско, другого в Омск, третьего судили за непослушание и заперли в тюрьму, четвертого в дом умалишенных.

Везде повторяется одно и то же. Не только правительство, но и большинство либеральных, свободно мыслящих людей, как бы сговорившись, старательно отворачиваются от всего того, что говорилось, писалось, делалось и делается людьми для обличения несовместимости насилия в самой ужасной, грубой и яркой его форме – в форме солдатства, т. е. готовности убийства кого бы то ни было, – с учением не только христианства, но хотя бы гуманности, которое общество будто бы исповедует.

Так что сведения, полученные мною о том, в какой степени уже давно разъяснено и всё больше и больше разъясняется истинное значение учения Христа, и о том, как относятся к этому разъяснению и исполнению учения высшие, правящие классы не только в России, но в Европе и в Америке, убедили меня в том, что существует в этих правящих классах сознательно враждебное отношение к истинному христианству, выражающееся преимущественно замалчиванием всех проявлений его.

II

Такое же впечатление желания скрыть, замолчать то, что я старался высказать в своей книге, произвели во мне и суждения о ней.

Книга по выходе ее, как я и ожидал, была запрещена и по закону должна была быть сожжена. Но книга вместо сожжения была разобрана чиновниками и распространилась в большом количестве списков и литографных оттисков и в переводах, напечатанных за границей.

И очень скоро на книгу появились критики, не только духовные, но и светские, которые правительство не только допускало, но и поощряло. Так что даже опровержение книги, которая считалась никому не известной, назначено было темой богословских сочинений в академиях.

Критики на мою книгу, как русские, так и иностранные, разделяются на два главные рода: критики религиозные – людей, считающих себя верующими, и критики светские – вольнодумные.

Начну с первых:

В книге моей я обвиняю церковных учителей в том, что они учат противно заповедям Христа, ясно и определенно выраженным в нагорной проповеди, и особенно противно заповеди о непротивлении злу и лишают этим учение Христа всего его значения. Церковные учителя признают нагорную проповедь с заповедью о непротивлении злу насилем божественным откровением и потому, если они уже раз нашли нужным писать о моей книге, то, казалось бы, им необходимо было прежде всего ответить на этот главный пункт обвинения и прямо высказать, признают или не признают они обязательным для христианина учение нагорной проповеди и заповедь о непротивлении злу насилем, и отвечать не так, как это обыкновенно делается, т. е. сказать, что хотя, с одной стороны, нельзя собственно отрицать, но, с другой стороны, опять-таки нельзя утверждать, тем более, что и т. д., а ответить так же, как поставлен вопрос в моей книге: действительно ли Христос требовал от своих учеников исполнения того, чему он учил в нагорной проповеди, и потому может или не может христианин, оставаясь христианином, идти в суд, участвуя в нем, осуждая людей или ища в нем защиты силой, может или не может христианин, оставаясь христианином, участвовать в управлении, употребляя насилие против своих ближних и самый главный, всем предстоящий теперь с общей воинской повинностью, вопрос – может или не может христианин, оставаясь христианином, противно прямому указанию Христа обещаться в будущих поступках, прямо противных учению, и, участвуя в военной службе, готовиться к убийству людей или совершать их?

Вопросы поставлены ясно и прямо, и, казалось, надобно ясно и прямо ответить на них. Но во всех критиках на мою книгу ничего подобного не было сделано, точно так же как не было сделано и по отношению всех тех обличений церковных учителей в отступлении их от закона Христа, которыми со времен Константина полна история.

Очень много было говорено по случаю моей книги о том, как я неправильно толкую те и другие места Евангелия, о том, как я заблуждаюсь, не признавая троицы, искупления и бессмертия души; говорено было очень многое, но только не то одно, что для всякого христианина составляет главный, существенный вопрос жизни: как соединить ясно выраженное в словах учителя и в сердце каждого из нас учение о прощении, смирении, отречении и любви ко всем: к ближним и к врагам, с требованием военного насилия над людьми своего или чужого народа.

Всё, что можно назвать подобиями ответов на этот вопрос, можно свести к следующим пяти разрядам. Я старался собрать в этом отношении всё, что мог, не только по критикам на мою книгу, но и по всему тому, что и в прежние времена писалось на эту тему.

Первый самый грубый способ ответа состоит в смелом утверждении того, что насилие не противоречит учению Христа, что оно разрешено и даже предписано христианам Ветхим и Новым Заветом.

Этого рода утверждения исходят большею частью от людей, находящихся на высоких ступенях правительственной или духовной иерархии и вследствие этого совершенно уверенных, что на их утверждения возражать никто не посмеет, а если кто и будет возражать, то они не услышат этих возражений. Люди эти большею частью до такой степени, вследствие одурманивания властью, потеряли представление о том, что есть то христианство, во имя которого они занимают свое положение, что все то, что есть в христианстве христианского, представляется им сектантством; всё же то, что в писании как Ветхого, так и Нового Завета может быть перетолковано в смысле антихристианском и языческом, они считают основанием христианства. В пользу своего утверждения о том, что христианство не противоречит насилию, эти люди выставляют обыкновенно с величайшей смелостью самые соблазнительные места из Ветхого и Нового Завета, самым нехристианским образом толкуя их: казнь Анания и Сапфиры, казнь Симона Волхва и т. п. Приводятся все те слова Христа, которые можно перетолковать как оправдание жестокости: изгнание из храма, «Отраднее будет земле содомской, чем городу этому» и т. п.

По понятиям этих людей, христианское правительство несколько не обязано руководиться духом смирения, прощения обид и любви к врагам.

Опровергать такое утверждение бесполезно потому, что люди, утверждающие это, сами себя опровергают или, скорее, отвергают себя от Христа, выдумывая своего Христа и свое христианство вместо того, во имя которого и существует и церковь и то положение, которое они в ней занимают. Если бы все люди знали, что церковь проповедует Христа казнящего и не прощающего и воюющего, то никто бы не верил в эту церковь и некому было бы доказывать то, что она доказывает.

Второй способ, несколько менее грубый, состоит в том, чтобы утверждать, что хотя действительно Христос учил подставлять щеку и отдавать кафтан и что это очень высокое нравственное требование, но... что есть на свете злодеи, и если не усмирять силой этих злодеев, то погибнет весь мир и погибнут добрые. Довод этот я нашел в первый раз у Иоанна Златоуста и выставляю несправедливость его в книге «В чем моя вера?».

Довод этот неоснователен потому, что если мы позволим себе признать каких-либо людей злодеями особенными (рака), то, во-первых, мы этим уничтожаем весь смысл христианского учения, по которому все мы равны и братья как сыны одного отца небесного; во-вторых, потому, что если бы и было разрешено богом употреблять насилие против злодеев, то так как никак нельзя найти того верного и несомненного определения, по которому можно наверное узнать злодея от незлодея, то каждый человек или общество людей стало бы признавать взаимно друг друга злодеями, что и есть теперь; в-третьих, потому, что если бы и было возможно несомненно узнавать злодеев от незлодеев, то и тогда нельзя бы было в христианском обществе казнить или калечить, или запереть в тюрьмы этих злодеев, потому что в христианском обществе некому бы было исполнять это, так как каждому христианину, как христианину, предписано не делать насилия над злодеем.

Третий способ ответов, еще более тонкий, чем предыдущий, состоит в утверждении того, что хотя заповедь о непротивлении злу насилием и обязательна для христианина, когда зло направлено лично против него, она перестает быть обязательной, когда зло направлено против ближних, и что тогда христианин не только не обязан исполнять заповеди, но обязан для защиты ближних противно заповеди употреблять насилие против насилующих.

Утверждение это совершенно произвольно, и во всем учении Христа нельзя найти подтверждения такому толкованию. Такое толкование есть не только ограничение заповеди, но прямое отрицание и уничтожение ее. Если каждый имеет право употреблять насилие при угрожающей другому опасности, то вопрос об употреблении насилия сводится к вопросу определения того, что считать опасностью для другого. Если же мое частное суждение решает вопрос опасности для другого, то нет того случая насилия, которого нельзя бы было объяснить угро-

жающей другому опасностью. Казнили и сжигали колдунов, казнили аристократов и жирондистов, казнили и их врагов, потому что те, которые были во власти, считали их опасными для людей.

Если бы это важное ограничение, в корне подрывающее значение заповеди, входило в мысль Христа, то о нем должно было быть где-нибудь упомянуто. Во всей же проповеди и жизни учителя не только не сделано этого ограничения, но, напротив, как раз дано предостережение против такого ложного и соблазнительного, уничтожающего заповедь ограничения. Ошибка и невозможность такого ограничения с особенной яркостью доказана в Евангелии при рассказе о рассуждении Каиафы, сделавшего именно это ограничение. Он признавал, что нехорошо казнить невинного Иисуса, но видел в этом опасность не для себя, но для всего народа и потому сказал: «лучше погибнуть одному человеку, чем всему народу». И еще ярче высказано отрицание такого ограничения в словах, сказанных Петру при его попытке воспротивиться насилием злу, направленному против Иисуса (Мф. XXVI, 52). Петр защищал не себя, но своего любимого и божественного учителя. И Христос прямо запретил ему это, сказав, что поднявший меч от меча погибнет.

Кроме того, оправдание насилия, употребленного над ближним для защиты другого ближнего от худшего насилия, всегда неверно, потому что никогда при употреблении насилия против не совершившегося еще зла нельзя знать, какое зло будет больше – зло ли моего насилия, или того, от которого я хочу защищать. Мы казним преступника, избавляя от него общество, и никак не можем знать, не изменился ли бы завтра бывший преступник и не есть ли наша казнь бесполезная жестокость. Мы запираем опасного, по нашему мнению, члена общества, но с завтрашнего дня этот человек мог перестать быть опасным и заключение его напрасно. Я вижу, что известный мне разбойник преследует девушку, у меня в руке ружье – я убиваю разбойника, спасаю девушку, но смерть или поранение разбойника совершилось наверное, то же, что бы произошло, если бы этого не было, мне неизвестно. А какое огромное количество зла должно произойти, как оно и происходит, – от признания людьми за собой права предупреждать могущее случиться зло. 0,99 зла мира от инквизиции до динамитных бомб и казней и страданий десятков тысяч так называемых политических преступников основано на этом рассуждении.

Четвертый, еще более утонченный ответ на вопрос, как должно относиться христианину к заповеди Христа о непротивлении злу насилием, состоит в том, чтобы утверждать, что заповедь непротивления злу насилием не отрицается ими, а признается, как и всякая другая, но что они только не приписывают этой заповеди особенного, исключительного значения, как это делают сектанты. Приписывание этой заповеди неизменного условия христианской жизни, как это делают Гаррисон, Баллу, Даймонд, квакеры, менониты, шекеры и как это делали моравские братья, вальденцы, альбигойцы, богомилы, павликиане, – есть одностороннее сектантство. Заповедь эта имеет ни больше, ни меньше значения, чем и все другие, и человек, преступивший по слабости какую бы то ни было заповедь, а также и заповедь о непротивлении, не перестает быть христианином, если он правильно верит.

Изворот этот очень искусен, и многие люди, желающие быть обманутыми, легко обманываются им. Изворот состоит в том, чтобы прямое сознательное отрицание заповеди свести к случайному нарушению ее. Но стоит только сравнить отношение церковных учителей к этой и к другим действительно признаваемым ими заповедям, чтобы убедиться в том, что отношение церковных учителей к заповедям, которые они признают, и к этой – совершенно различно.

Заповедь против блуда они действительно признают и потому никогда ни в каком случае не признают того, чтобы блуд не был злом. Никогда церковные проповедники не указывают случаев, когда заповедь против блуда должна бы была нарушаться, и всегда поучают тому, что должно избегать соблазнов, вводящих в искушение против блуда. Но не то с заповедью непротивления. Все церковные проповедники знают случаи, когда заповедь эта может быть

нарушена. И так и учат людей. И не только не учат избегать этих соблазнов, из которых главный есть присяга, но сами производят его. Церковные проповедники никогда ни в каком случае не проповедуют нарушения всякой другой заповеди. По отношению же заповеди о непротivлении они прямо учат тому, что не надо слишком прямо понимать это запрещение, что не только не всегда нужно исполнять заповедь, но что есть условия, положения, в которых нужно делать прямо противное, т. е. судить, воевать, казнить. Так что по случаю заповеди о непротivлении злу насилieм проповедуется в большей части случаев о том, как не исполнять ее. Исполнение этой заповеди, говорят они, очень трудно и свойственно только совершенству. Но как же ей быть не трудной, когда нарушение ее не только не запрещается, но прямо поощряется, когда прямо благословляются суды, тюрьмы, пушки, ружья, войска, сражения.

Стало быть неправда то, что заповедь эта признается церковными проповедниками наравне с другими заповедями. Церковные проповедники прямо не признают ее и, только не смея сознаться в этом, стараются скрыть свое непризнание ее.

Таков четвертый способ ответов.

Пятый способ, самый тонкий, самый употребительный и самый могущественный, состоит в уклонении от ответа, в делании вида, что вопрос этот кем-то давным-давно разрешен вполне ясно и удовлетворительно и что говорить об этом не стоит.

Этот способ употребляем всеми более или менее культурными духовными писателями, т. е. такими, которые чувствуют для себя обязательными законы логики. Зная, что противоречие, существующее между учением Христа, которое мы на словах исповедуем, и всем строем нашей жизни нельзя распутать словами и, касаясь его, можно только сделать его еще очевиднее, они с большей или меньшей ловкостью, делая вид, что вопрос о соединении христианства с насилieм уже разрешен или вовсе не существует, обходят его⁴⁴.

Большинство духовных критиков на мою книгу пользуются этим способом. Я бы мог привести десятки таких критик, в которых без исключения повторяется одно и то же: говорится обо всем, но только не о том, что составляет главный предмет книги. Как характерный пример таких критик приведу статью знаменитого, утонченного английского писателя и проповедника Фаррара, великого, как и многие ученые богословы, мастера обходов и умолчаний. Статья эта напечатана в американском журнале «Forum» за октябрь 1888 года.

Изложив добросовестно вкратце содержание моей книги, Фаррар говорит:

«Толстой пришел к убеждению, что мир был грубо обманут, когда людей уверили, что учение Христа «не противься злу или злом» совместимо с войной, судами, смертной казнью, разводами, клятвой, народными пристрастиями и вообще с большинством учреждений гражданской и общественной жизни. Он верит теперь, что царство бога наступит тогда, когда люди будут исполнять 5 заповедей Христа, именно: 1) жить в мире со всеми людьми; 2) вести чистую жизнь; 3) не клясться; 4) никогда не противься злу и 5) отказываться от народных различий».

«Толстой, говорит он, отрицает боговдохновенность Ветхого Завета, посланий, отрицает все догматы церкви, как-то: троицы, искупления, сошествия св. духа, священства и признает только слова и заповеди Христа». «Но верно ли такое толкование учения Христа? – говорит он. – Обязаны ли все люди поступать так, как учит Толстой, т. е. исполнять 5 заповедей Христа?»

⁴⁴ Знаю только одну не критику в точном смысле слова, но статью, трактующую о том же предмете и имеющую в виду мою книгу, немного отступающую от этого общего определения. Это брошюра Троицкого (Казань) «Нагорная беседа». Автор, очевидно, признает учение Христа в его настоящем значении. Он говорит, что заповедь о непротivлении злу насилieм значит то самое, что она значит, тоже и о заповеди о клятве; он не отрицает, как это делают другие, значение учения Христа, но, к сожалению, не делает из этого признания тех неизбежных выводов, которые в нашей жизни сами собой напрашиваются при таком понимании учения Христа. Если противься злу насилieм и клясться не должно, то всякий естественно спрашивает: как же военная служба? Присяга? А вот на этот вопрос автор не дает ответа, а надо ответить. А если нельзя ответить, то лучше и не говорить, потому что умолчание производит заблуждение.

Так и ждешь, что на этот существенный вопрос, который один только и мог побудить человека писать статью о книге, человек скажет, что это толкование учения Христа верно и что надо следовать ему, или скажет, что такое толкование неверно; докажет, почему, и даст другое правильное толкование тех слов, которые я неправильно толкую. Но ничего подобного не делается. Фаррар выражает только «убеждение», что – «Толстой, хотя и руководимый самой благородной искренностью, впал в заблуждение частных и односторонних толкований смысла Евангелия и разума (mind) и воли Христа».

В чем это заблуждение, не разъясняется, а говорится только: «Входить в доказательства этого невозможно в этой статье, потому что я уже и так превзошел количество листов, предоставленных мне».

И он с спокойным духом заключает:

«Между тем, если читатель чувствует себя смущенным мыслью о том, что он обязан, как христианин, так же как и Толстой, покинуть свои привычные условия жизни и жить как простой работник, то пусть он успокоится и держится принципа: «*Securus judicat orbis terrarum*».⁴⁵ «За малыми исключениями, – продолжает он, – всё христианство от апостольских времен и до наших дней пришло к убеждению, что цель Христа состояла в том, чтобы дать людям великий принцип, но не в том, чтобы разрушить основы учреждения всего человеческого общества, которое утверждается на божеском установлении (sanction) и на необходимости. Если бы моей задачей было доказать, как невозможно учение коммунизма, основываемое Толстым на божественных парадоксах (sic), которые могут быть истолковываемы только на основании исторических принципов в согласии со всеми методами учения Христа, – это потребовало бы более места, чем я имею в своем распоряжении».

Экое горе, места ему нет! И странное дело, никому вот уже 15 веков нет места доказать то, что Христос, которого мы исповедуем, говорил совсем не то, что он говорил. А доказать они могли бы, если бы захотели. Впрочем, и не стоит доказывать то, что всем известно. Довольно сказать: «*Securus judicat orbis terrarum*».

И таковы без исключения все критики культурных верующих людей и потому понимающих опасность своего положения. Единственный выход из него для них – надежда на то, что, пользуясь авторитетом церкви, древности, святости, можно запутать читателя, отвлечь его от мысли самому прочесть Евангелие и самому своим умом обдумать вопрос. И это удается.

Кому в самом деле придет в голову то, что всё то, что с такой уверенностью и торжественностью повторяется из века в век всеми этими архидамионами, епископами, архиепископами, святейшими синодами и папами, что всё это есть гнусная ложь и клевета, взводимая ими на Христа для обеспечения денег, которые им нужны для сладкой жизни на шеях других людей, – ложь и клевета до такой степени очевидная, особенно теперь, что единственная возможность продолжать эту ложь состоит в том, чтобы запугивать людей своей уверенностью, своей бесовственностью.

Это всё то же, что происходило последние года в воинских присутствиях: сидят за столом за зеркалом, на первых местах, под портретом во весь рост императора, старые, важные, в регалиях чиновники и свободно, развязно беседуют, записывают, приказывают и вызывают. Тут же в наперсном кресте и шелковой рясе с выпростанными седыми волосами на эпитрахили благообразный старец священник перед аналоем, на котором лежит золотой крест с кованным в золоте Евангелием.

Вызывают Ивана Петрова. Выходит юноша, дурно, грязно одетый, испуганный, с дрожащими мускулами лица и блестящими бегающими глазами и прерывающимся голосом, шепотом почти говорит: «я... по закону... я, как христианин... я не могу...».

⁴⁵ [Весь мир судить легкомысленно.]

– Что он бормочет? – спрашивает нетерпеливо, щурясь и прислушиваясь, председатель, поднимая голову от книги.

– Говорите громче! – кричит на него полковник с блестящими погонами.

– Я... я... как христианин...

И, наконец, оказывается, что юноша отказывается от военной службы, потому что он христианин.

– Не говори вздору. Ставь в мерку. Доктор, потрудитесь смерить. Годится?

– Годится.

– Батюшка, приведите к присяге.

Никто не только не смущен, но даже не обращает внимания на то, что лопочет этот испуганный, жалкий юноша. «Они все что-нибудь лопочат, а нам некогда, надо еще столько принять».

Рекрут что-то хочет сказать еще. – «Это против закона Христа».

– Ступайте, ступайте, без вас знают, что по закону, что не по закону, а вы отправляйтесь. Батюшка, внушите ему. Следующий: Василий Никитин.

И дрожащего юношу уводят. И кому, и сторожам, и Василию Никитину, которого вводят, и всем, которые со стороны видели эту сцену, придет в голову, что те неясные короткие слова юноши, тотчас же замятые начальством, содержат в себе истину, а те громкие, торжественно произносимые речи самоуверенных, спокойных чиновников и священника суть ложь, обман.

Такое же впечатление производят статьи не одного Фаррара, но все те торжественные проповеди, статьи и книги, которые появляются со всех сторон, как только где-нибудь проглянет истина, обличающая царствующую ложь. Тотчас же начинаются длинные, умные, изящные, торжественные разговоры или писания о вопросах, близко касающихся предмета с искусным умолчанием о самом предмете.

В этом состоит пятый и самый действительный способ устранения того противоречия, в которое поставило себя церковное христианство, исповедуя на словах Христа и отрицая в жизни его учение и научая этому людей.

Те, которые оправдываются по первому способу, прямо, грубо утверждая, что Христос разрешил насилие: войны, убийства, – сами себя отвергают от учения Христа; те, которые защищаются по второму, третьему и четвертому способу, сами путаются, и их легко уличить в их неправде, но эти последние, не рассуждающие, не устаивающие рассуждать, а прячущиеся за свое величие и делающие вид, что всё это ими или еще кем-то уже давно решено и не подлежит уже никакому сомнению, – эти кажутся неуязвимыми и будут неуязвимы до тех пор, пока люди будут находиться под действием гипнотического внушения, наводимого на них правительствами и церквами, и не встряхнутся от него.

Так относились к моей книге духовные, т. е. исповедующие веру в Христа. И иначе им нельзя было отнестись: их связывает то противоречие, в котором они находятся – веры в божественность учителя и неверия в его самые ясные слова, – из которого им надо как-нибудь выпутываться, и потому нельзя было ожидать от них свободных суждений о самой сущности вопроса, о том изменении жизни людей, которое вытекает из приложения учения Христа к существующему порядку. Такого рода суждений я ожидал от светских, вольнодумных критиков, которые ничем не связаны с учением Христа и могут свободно смотреть на него. Я ожидал, что вольнодумные писатели посмотрят на Христа не только как на установителя религии поклонения и личного спасения (как его понимают церковники), а, выражаясь их языком, и как на реформатора, разрушающего старые и дающего новые основы жизни, реформа которого не совершилась еще, а продолжается и до сих пор.

Такой взгляд на Христа и его учение вытекает из моей книги. Но, к удивлению моему, из числа в большом количестве появившихся на мою книгу критик, не было *ни одной*, ни русской, ни иностранной, которая трактовала бы предмет с той самой стороны, с которой он изложен

в книге, т. е. которая посмотрела бы на учение Христа как на философское, нравственное и социальное (говоря опять языком научных людей) учение. Ни в одной критике этого не было.

Русские светские критики, поняв мою книгу так, что всё ее содержание сводится к непротавлению злу, и поняв самое учение о непротавлении злу (вероятно, для удобства возражения) так, что оно будто бы запрещает всякую борьбу со злом, русские светские критики с раздражением напали на это учение и весьма успешно в продолжение нескольких лет доказывали, что учение Христа неправильно, так как оно запрещает противиться злу. Их опровержения этого *мнимого* учения Христа были тем более успешны, что они вперед знали, что их рассуждения не могут быть ни опровергаемы, ни исправляемы, так как цензура, не пропустив книги, не пропускала и статей в защиту ее.

Замечательно при этом то, что у нас, где нельзя сказать слова о священном писании без запрета цензуры, несколько лет во всех журналах извращалась, критиковалась, осуждалась, осмеивалась прямо и точно выраженная заповедь Христа (Мф. V, 39).

Русские светские критики, очевидно не зная всего того, что было сделано по разработке вопроса о непротавлении злу, и даже иногда как будто предполагая, что это я лично выдумал правило непротавления злу насилем, нападали на самую мысль, опровергая, извращая ее и с большим жаром выставляя аргументы, давным-давно уже со всех сторон разобранные и опровергнутые, доказывали, что человек непременно должен (насилем) защищать всех обиженных и угнетенных и что поэтому учение о непротавлении злу насилем есть учение безнравственное.

Всем русским критикам всё значение проповеди Христа представлялось только в том, что она как будто им назло мешает известной деятельности, направленной против того, что ими в данную минуту считается злом, так что выходило, что на принцип непротавления злу насилем нападали два противоположные лагеря: консерваторы потому, что этот принцип препятствовал их деятельности противления злу, производимому революционерами, их преследованиям и казням; революционеры же потому, что этот принцип препятствовал противлению злу, производимому консерваторами и их ниспровержению. Консерваторы возмущались тем, что учение о непротавлении злу насилем препятствует энергическому подавлению революционных элементов, могущих погубить благосостояние народа; революционеры возмущались тем, что учение о непротавлении злу насилем препятствует ниспровержению консерваторов, губящих благосостояние народа. Замечательно при этом то, что революционеры нападали на принцип непротавления злу насилем, несмотря на то, что он самый страшный и опасный для всякого деспотизма, так как с тех пор, как стоит мир, на противоположном принципе, необходимости противления злу насилем, основывались и основываются все насилия, от инквизиции до Шлиссельбургской крепости.

Кроме того, русские критики указывали и на то, что приложение к жизни заповеди о непротавлении злу насилем, своротило бы человечество с того пути цивилизации, по которому оно идет. Путь же цивилизации, по которому идет европейское человечество, есть, по их мнению, тот самый, по которому и должно всегда идти всё человечество.

Таков был главный характер русских критиков.

Иностранные критики исходили из тех же основ, но рассуждения их о моей книге несколько отличались от рассуждений русских критиков не только меньшей раздражительностью и большей культурностью, но и по существу дела.

Рассуждая о моей книге и вообще о евангельском учении, как оно выражено в нагорной проповеди, иностранные критики утверждали, что такое учение не есть собственно христианское (христианское учение, по их мнению, есть католицизм и протестантство) – учение же нагорной проповеди есть только ряд очень милых непрактических мечтаний *du charmant docteur*, как говорит Ренан, годных для наивных и полудиких обитателей Галилеи, живущих за

1800 лет назад, и для русских полудиких мужиков – Сютаева, Бондарева и русского мистика Толстого, но никак не приложимых к высокой степени европейской культуры.

Иностранные светские критики тонким манером, не оскорбляя меня, старались дать почувствовать, что суждения мои о том, что человечество может руководиться таким наивным учением, как нагорная проповедь, происходит отчасти от моего невежества, незнания истории, незнания всех тех тщетных попыток осуществления в жизни принципов нагорной проповеди, которые были делаемы в истории и ни к чему не привели, отчасти от непонимания всего значения той высокой культуры, на которой со своими крупновскими пушками, бездымным порохом, колонизацией Африки, управлением Ирландии, парламентом, журналистикой, стачками, конституцией и Эйфелевой башней стоит теперь европейское человечество.

Так писал *Vogüé*, так писал *Leroü Beaulieu*, так писал Маттью Арнольд, так писал американский писатель Савадж и Ингерзаль, популярный американский свободомыслящий проповедник, и многие другие.

«Учение Христа не годится, потому что не соответствует нашему индустриальному веку», – наивно говорит Ингерзаль, выражая этим с совершенной точностью и наивностью то самое, что думают утонченно образованные люди нашего времени об учении Христа. Учение не годится для нашего индустриального века, точно как будто то, что существует индустриальный век, есть дело священное, которое не должно и не может быть изменено. Вроде того, как если бы пьяницы против советов о том, как им привести себя в трезвое состояние, отвечали бы, что эти советы неуместны при их алкоголическом состоянии.

Рассуждения всех светских писателей, как русских, так и иностранных, как ни различен их тон и манера доводов, все в сущности сводятся к одному и тому же странному недоразумению, именно к тому, что учение Христа, одно из последствий которого есть непротивление злу насилеи, непригодно нам, потому что оно требует изменения нашей жизни.

Учение Христа негодно, потому что, если бы оно было исполнено, не могла бы продолжаться наша жизнь; другими словами: если бы мы начали жить хорошо, как нас учил Христос, мы не могли бы продолжать жить дурно, как мы живем и привыкли жить. Вопрос же о непротивлении злу насилеи не только не обсуждается, но самое упоминание о том, что в учение Христа входит требование непротивления злу насилеи, уже считается достаточным доказательством неприменимости всего учения.

А между тем, казалось бы, необходимо указать хоть на какое-нибудь решение этого вопроса, так как он стоит в основе почти всех дел, которые занимают нас.

Вопрос ведь состоит в том: каким образом разрешать столкновения людей, когда одни люди считают злом то, что другие считают добром, и наоборот? И потому считать, что зло есть то, что я считаю злом, несмотря на то, что противник мой считает это добром, не есть ответ. Ответов может быть только два: или тот, чтобы найти верный и неоспоримый критерий того, что есть зло, или тот, чтобы не противиться злу насилеи.

Первый выход был пробован с начала исторических времен и, как мы все знаем, не привел до сих пор к успешным результатам.

Второй ответ – не противиться насилеи тому, что мы считаем злом, до тех пор, пока мы не нашли общего критерия, – этот ответ предложен Христом.

Можно находить, что ответ, данный Христом, неправилен; можно выставить на место его другой, лучший, найдя такой критерий, который для всех несомненно и одновременно определял бы зло; можно просто не сознавать сущности вопроса, как не сознают этого дикие народы, но нельзя, как это делают ученые критики христианского учения, делать вид, что вопроса никакого вовсе и не существует или что признание за известными лицами или собраниями людей (тем менее, когда эти люди мы сами) права определять зло и противиться ему насилеи разрешает вопрос; тогда как мы все знаем, что такое признание несколько не разре-

шает вопроса, так как всегда есть люди, не признающие за известными людьми или собраниями этого права.

А это-то признание того, что то, что нам кажется злом, то и есть зло, или совершенное непонимание вопроса, и служит основой суждений светских критиков о христианском учении, так что суждения о моей книге, как церковных, так и светских критиков, показали мне то, что большинство людей прямо не понимают не только самого учения Христа, но даже и тех вопросов, на которые оно служит ответом.

III

Так что, как сведения, полученные мною после выхода моей книги о том, как не переставая понималось и понимается меньшинством людей христианское учение в его прямом и истинном смысле, так и критики на нее, и церковные и светские, отрицающие возможность понимать учение Христа в прямом смысле, убедили меня в том, что тогда как, с одной стороны, никогда для меньшинства не прекращалось, но всё яснее и яснее становилось истинное понимание этого учения, так, с другой стороны, для большинства смысл его всё более и более затемнялся, дойдя, наконец, до той степени затемнения, что люди прямо уже не понимают самых простых положений, самыми простыми словами выраженных в Евангелии.

Непонимание учения Христа в его истинном, простом и прямом смысле в наше время, когда свет этого учения проник уже все самые темные углы сознания людского; когда, как говорил Христос, теперь уже с крыш кричат то, что он говорил на ухо; когда учение это проникает все стороны человеческой жизни: и семейную, и экономическую, и гражданскую, и государственную, и международную, – непонимание это было бы необъяснимо, если бы непониманию этому не было причин.

Одна из этих причин это та, что как верующие, так и неверующие твердо убеждены, что учение Христа понято ими давно и так полно, несомненно и окончательно, что никакого другого значения, кроме того, которое они придают ему, и не может быть в нем. Причина этого состоит в продолжительности предания ложного понимания и потому непонимания его.

Самая сильная струя воды не может прибавить ни капли жидкости в сосуд, который полон.

Можно самому непонятливому человеку объяснить самые мудреные вещи, если он не составил себе о них еще никакого понятия; но самому понятливому человеку нельзя объяснить самой простой вещи, если он твердо убежден, что знает, да еще несомненно знает то, что передается ему.

Христианское учение представляется людям нашего мира именно таким давно и несомненно каждому до всех своих мельчайших подробностей известным учением, которое не может быть понимаемо иначе, как так, как оно понято.

Христианство понимается теперь исповедующими церковные учения как сверхъестественное, чудесное откровение обо всем том, что сказано в символе веры; неверующими же, – как пережитое человечеством проявление его потребности веры в сверхъестественное; как историческое явление, вполне выразившееся в католичестве, православии, протестантстве и не имеющее уже для нас никакого жизненного значения. Для верующих значение учения скрывается церковью, для неверующих – наукою.

Скажу сперва о первых.

1800 лет тому назад среди языческого римского мира явилось странное, не похожее ни на какое из прежних, новое учение, приписывавшееся человеку Христу.

Новое учение это было совершенно новое как по форме, так и по содержанию, и для еврейского мира, среди которого оно возникло, и в особенности для того римского мира, среди которого оно проповедовалось и распространялось.

Среди разработанности религиозных правил еврейства, где, по словам Исаии, было правило на правиле, и среди римского, выработанного до великой степени совершенства, законодательства явилось учение, отрицавшее не только всякие божества, – всякий страх перед ними, всякие гадания и веру в них, – но и всякие человеческие учреждения и всякую необходимость в них.

Вместо всяких правил прежних исповеданий, учение это выставяло только образец внутреннего совершенства, истины и любви в лице Христа и последствия этого внутреннего совершенства, достигаемого людьми, – внешнего совершенства, предсказанного пророками, – царства божия, при котором все люди разучатся враждовать, будут все научены богом и соединены любовью и лев будет лежать с ягненком.

Вместо угроз наказания за неисполнение правил, которые выставялись прежними законами, как религиозными, так и государственными, вместо приманки наград за исполнение их, учение это призывало к себе только тем, что оно истина. «Кто хочет узнать об этом учении – от бога ли оно, пусть исполняет его». (Иоан. VII, 17). «Если я говорю истину, почему не верите мне? Зачем ищите убить человека, сказавшего вам истину? Только истина освободит вас. Исповедовать бога надо только в истине. Всё учение откроется и уяснится духом истины. Делайте то, что я говорю и узнаете, правда ли то, что я говорю» (Иоан. VIII).

Доказательств учения не выставялось никаких, кроме истины, кроме соответствия учения с истиной. Всё учение состояло в познании истины и следовании ей, в большем и большем постигновении истины и большем и большем приближении к ней в делах жизни.

Нет по этому учению поступков, которые бы могли оправдать человека, сделать его праведным, есть только влекущий к себе сердца образец истины для внутреннего совершенства в лице Христа, а для внешнего – в осуществлении царства божия. Исполнение учения – только в движении по указанному пути, в приближении к совершенству внутреннему – подражания Христу, и внешнему – установления царства божия. Большее или меньшее благо человека зависит по этому учению не от той степени совершенства, до которого он достигает, а от большего или меньшего ускорения движения.

Движение к совершенству мытаря Закхея, блудницы, разбойника на кресте по этому учению большее благо, чем неподвижная праведность фарисея. Заблудшая овца дороже 99-ти незаблудших. Блудный сын, потерянная и опять найденная монета дороже любимее богом тех, которые не пропадали.

Всякое состояние по этому учению есть только известная ступень на пути к недостижимому внутреннему и внешнему совершенству и потому не имеет значения. Благо только в движении к совершенству, остановка же на каком бы то ни было состоянии есть прекращение блага.

«Пусть левая не знает, что делает правая», и «не надежен для царства божия работник, взявшийся за плуг и оглядывающийся назад». «Не радуйтесь тому, что бесы повинуются вам, а ищите того, чтобы имена ваши были написаны на небесах». «Будьте совершенны, как совершен отец ваш небесный». «Ищите царствия божия и правды его».

Исполнение учения только в безостановочном движении – в постигновении всё высшей и высшей истины, и всё в большем и большем осуществлении ее в себе всё большей и большей любовью, а вне себя всё большим и большим осуществлением царства божия.

Очевидно, что явившееся среди еврейского и языческого мира учение это не могло быть принято большинством людей, живших совершенно иною жизнью, чем та, которой требовало это учение; и что даже теми, которыми оно было принято, оно, как совершенно противоположное всем прежним взглядам, не могло быть понято во всем его значении.

Только рядом недоразумений, ошибок, односторонних разъяснений, исправляемых и дополняемых поколениями людей, смысл христианского учения всё более и более уяснялся людям. Совершалось воздействие христианского мирозерцания на еврейское и языческое и

языческого и еврейского на христианское. И христианское, как живое, всё более и более проникало отживающее еврейское и языческое и выступало всё яснее и яснее, освобождаясь от накладываемых на него ложных примесей. Люди всё дальше и дальше постигали смысл христианства и более и более осуществляли его в жизни.

Чем дальше жило человечество, тем более и более уяснялся ему смысл христианства, как это не могло и не может быть иначе со всяким учением о жизни. Последующие поколения исправляли ошибки предшественников и всё более и более приближались к пониманию истинного его смысла.

Так это было с самых первых времен христианства. И вот тут-то, с самых первых времен его, появились люди, начавшие утверждать про себя, что тот смысл, который они придают учению, есть единый истинный и что доказательством этого служат сверхъестественные явления, подтверждающие справедливость их понимания.

Это-то и было главной причиной сначала непонимания учения, а потом и полного извращения учения.

Предполагалось, что учение Христа передается людям не как всякая другая истина, а особым, сверхъестественным способом, так что истинность понимания учения доказывается не соответственностью передаваемого с требованиями разума и всей природы человека, а чудесностью передачи, служащей непререкаемым доказательством истинности понимания. Возникло это предположение из непонимания, и последствием его была невозможность понимания.

Началось это с самых первых времен, когда так неполно еще и часто превратно понималось учение, как мы видим это по Евангелиям и Деяниям. Чем менее было понято учение, тем оно представлялось темнее и тем нужнее были внешние доказательства его истинности. Положение о том, чтобы не делать другим того, чего не хочешь, чтобы тебе делали, не нужно было доказывать чудесами, и положению этому не нужно было требовать веры, потому что положение это само по себе убедительно, соответствуя и разуму и природе человека; но положение о том, что Христос был бог, надо было доказывать чудесами совершенно непонятными.

Чем было темнее понимание учения Христа, тем более примешивалось к нему чудесного; а чем более примешивалось чудесного, тем более учение отклонялось от своего смысла и становилось темнее; а чем более оно отклонялось от своего смысла и становилось темнее, тем сильнее надо было утверждать свою непогрешимость и тем менее учение становилось понятно.

С самых первых времен по Евангелиям, Деяниям, Посланиям можно видеть, каким образом непонимание учения вызывало необходимость доказательств через чудесное и непонятное.

Началось это, по книге Деяний, с того собрания, на котором сошлись ученики в Иерусалиме для разрешения возникшего вопроса о крещении или некрещении необрезанных и о едящих идола жертвенное.

Самая постановка вопроса показывала, что обсуждавшие его не понимали учения Христа, отвергающего все внешние обряды: омовения, очищения, посты, субботы. Прямо сказано: «сквернит не то, что в уста входит, а то, что исходит из сердца», и потому вопрос о крещении необрезанных мог возникнуть только среди людей, любивших учителя, смутно чувствующих величие его учения, но еще очень неясно понимавших самое учение. Так оно и было.

Насколько члены собрания не понимали учения, настолько понадобилось им внешнее подтверждение своего неполного понимания. И вот для решения вопроса, самая постановка которого показывает непонимание учения, были произнесены на этом собрании, как это описывает книга Деяний, в первый раз долженствовавшие внешним образом утвердить справедливость известных утверждений, эти страшные, наделавшие столько зла, слова: «угодно святому духу и нам», т. е. утверждалось, что справедливость того, что они постановили, засвидетельствована чудесным участием в этом решении святого духа, т. е. бога. Но утверждение о том, что святой дух, т. е. бог, говорил через апостолов, опять надо было доказать. И вот понадобилось

для этого утверждать то, что в пятидесятницу святой дух в виде огненных языков сошел на тех, которые утверждали это. (В описании сошествие св. духа предшествует собору, но написаны Деяния много после того и другого.) Но и сошествие святого духа надо было подтвердить для тех, которые не видели огненных языков (хотя и непонятно, почему огненный язык, зажегшийся над головой человека, показывает, что то, что будет говорить этот человек, – несомненная правда), и понадобились еще чудеса и исцеления, воскресения, умерщвления и все те соблазнительные чудеса, которыми наполнены Деяния и которые не только никогда не могут убедить в истинности христианского учения, но могут только оттолкнуть от него. Последствия такого способа утверждения истины были те, что чем более нагромождались одно за другим эти подтверждения истинности рассказами о чудесах, тем более отклонялось самое учение от своего первоначального смысла и тем непонятнее становилось оно.

Так это было с первых времен и так это шло, постоянно усиливаясь, логически дойдя в наше время до догматов пресуществления и непогрешимости папы или епископов, или писаний, т. е. до совершенно непонятного, дошедшего до бессмыслицы и до требований слепой веры не богу, не Христу, не учению даже, а лицу, как в католичестве, или лицам, как в православии, или – веры книжке, как в протестанстве. Чем шире распространялось христианство и чем большую оно захватывало толпу неподготовленных людей, тем менее оно понималось, тем решительнее утверждалась непогрешимость понимания и тем менее становилась возможность понять истинный смысл учения. Уже ко времени Константина всё понимание учения свелось к резюме, утвержденным светской властью, – резюме споров, происходивших на соборе, – к символу веры, в котором значится: верую в то-то, то-то и то-то и под конец – в единую, святую, соборную и апостольскую церковь, т. е. в непогрешимость тех лиц, которые называют себя церковью, так что всё свелось к тому, что человек верит уже не богу, не Христу, как они открылись ему, а тому, чему велит верить церковь.

Но церковь свята, церковь основана Христом. Не мог бог предоставить людям толковать свое учение произвольно, и потому он установил церковь. Все эти положения до такой степени несправедливы и голословны, что совестно опровергать их. Нигде, ни по чему, кроме как по утверждению церковей, не видно, чтобы бог или Христос основывали что-либо подобное тому, что церковники разумеют под церковью. В Евангелии есть указание против церкви как внешнего авторитета, самое очевидное и ясное, в том месте, где говорится, чтобы ученики Христа никого не называли учителями и отцами. Но нигде ничего не сказано об установлении того, что церковники называют церковью.

В Евангелиях два раза употреблено слово «церковь». Один раз в смысле собрания людей, разрешающего спор; другой раз в связи с темными словами о камне – Петре и вратах ада. Из этих двух упоминаний слова «церковь», имеющего значение только собрания, выводится то, что мы теперь разумеем под словом «церковь».

Но Христос никак не мог основать церковь, т. е. то, что мы теперь понимаем под этим словом, потому что ничего подобного понятию церкви такой, какую знаем теперь с таинствами, иерархией и, главное, с своим утверждением непогрешимости, не было ни в словах Христа, ни в понятиях людей того времени.

То, что люди называли то, что сложилось потом, тем же словом, которое Христос употреблял о чем-то другом, никак не дает им права утверждать того, что Христос основал единую истинную церковь.

Кроме того, если бы Христос действительно установил такое учреждение, как церковь, на котором основано всё учение и вся вера, то он, вероятно бы, высказал это установление так определенно и ясно и придал бы единой истинной церкви, кроме рассказов о чудесах, употребляемых при всяких суевериях, такие признаки, при которых не могло бы быть никакого сомнения в ее истинности; но ничего подобного нет, а как были, так и есть теперь различные учреждения, называющие себя каждое единою истинною церковью.

Католический катехизис говорит: *L'église est la société de fidèles établie par notre Seigneur Jésus-Christ, répandue sur toute la terre et soumise à l'autorité des pasteurs légitimes, principalement notre Saint Père – le Pape*,⁴⁶ подразумевая под *pasteurs légitimes* человеческое учреждение, имеющее во главе своей папу и составленное из известных, связанных между собой известной организацией лиц.

Православный катехизис говорит: «Церковь есть основанное Иисусом Христом на земле общество, соединенное между собою в одно целое одним божественным учением и таинствами под управлением и руководством богоустановленной иерархии», разумея под богоустановленной иерархией именно греческую иерархию, составленную из известных таких-то лиц, находящихся в таких-то и таких-то местах.

Лютеранский катехизис говорит: «Церковь есть святое христианство, или собрание всех верующих под Христом, главою их, в котором св. дух через Евангелие и таинства предлагает, сообщает, усваивает божеское спасение», подразумевая то, что католическая церковь заблудшая и отпавшая и что истинное предание хранится в лютеранстве.

Для католиков божественная церковь совпадает с римской иерархией и папой. Для православных божественная церковь совпадает с учреждением восточной и русской иерархии.⁴⁷ Для лютеран божественная церковь совпадает с собранием людей, признающих Библию и катехизис Лютера.

Обыкновенно, говоря о происхождении христианства, люди, принадлежащие к одной из существующих церквей, употребляют слово «церковь» в единственном числе, как будто церковь была и есть только одна. Но это совершенно несправедливо. Церковь, как учреждение, утверждающее про себя, что она обладает несомненной истиной, явилась только тогда, когда она была не одна, а было их по крайней мере две.

Пока верующие были согласны между собою, и собрание было одно, ему незачем было утверждать себя церковью. Только тогда, когда верующие разделились на противоположные, отрицающие друг друга партии, явилась потребность каждой стороны утверждать свою истинность, приписывая себе непогрешимость. Понятие единой церкви возникло только из того, что, при разногласии и споре двух сторон, каждая, называя другую сторону ересью, признавала только свою сторону непогрешимую церковью.

Если мы знаем, что была церковь, решившая в 51 году принимать необрезанных, то церковь эта явилась только потому, что была другая церковь – иудействующих, решившая не принимать необрезанных.

Если есть теперь церковь католическая, утверждающая свою непогрешимость, то только потому, что есть церкви: греко-российская, православная, лютеранская, каждая утверждающая свою непогрешимость и этим самым отрицающая все другие церкви. Так что церковь единая

⁴⁶ Церковь есть общество верующих, основанное господом нашим Иисусом Христом, распространенное по всей земле и подчиненное власти законных пастырей и святого нашего отца – папы.

⁴⁷ Имеющее некоторый успех между русскими людьми определение церкви Хомякова не исправляет дела, если признавать вместе с Хомяковым, что единая истинная церковь есть православная. Хомяков утверждает, что церковь есть собрание людей (всех без различия клира и паствы), соединенных любовью, что только людям, соединенным любовью, открывается истина (Возлюбим друг друга, да единомыслием и т. д.) и что таковая церковь есть церковь, во-первых, признающая Никейский символ, а во-вторых, та, которая после разделения церквей не признает папы и новых догматов. Но при таком определении церкви является еще большее затруднение приравнять, как того хочет Хомяков, церковь, соединенную любовью, с церковью, признающей Никейский символ и правоту Фотия. Так что утверждение Хомякова о том, что эта соединенная любовью и, следовательно, святая церковь и есть самая, исповедуемая греческой иерархией, церковь, еще более произвольно, чем утверждение католиков и старых православных. Если допустить понятие церкви в том значении, которое дает ему Хомяков, т. е. как собрание людей, соединенных любовью и истиной, то всё, что может сказать всякий человек по отношению этого собрания, – это то, что весьма желательно быть членом такого собрания, если такое существует, т. е. быть в любви и истине; но нет никаких внешних признаков, по которым можно бы было себя или другого причислить к этому святому собранию или отвергнуть от него, так как никакое внешнее учреждение не может отвечать этому понятию.

есть только фантастическое представление, не имеющее в себе ни малейшего признака действительности.

Как действительное историческое явление существовали и существуют только многие собрания людей, утверждающие каждое про себя, что оно есть единая, основанная Христом церковь, а что все другие, называющие себя церквами, суть ереси и расколы.

Катехизисы самых распространенных церквей: католической, православной и лютеранской прямо говорят это.

В католическом катехизисе сказано: *Quels sont ceux, qui sont hors de l'église? – Les infidèles, les hérétiques, les schismatiques.*⁴⁸ Схизматиками признаются так называемые православные. Еретиками признаются лютеране; так что, по католическому катехизису, в церкви – одни католики.

В так называемом православном катехизисе сказано: Под единой церковью Христовой разумеется только православная, которая остается вполне согласно с церковью вселенской. Что же касается римской церкви и других исповеданий (лютеран и других не называют даже церковью), то они не могут быть относимы к единой истинной церкви, так как сами отделились от нее.

По этому определению католики и лютеране – вне церкви, а в церкви – одни православные.

Лютеранский же катехизис гласит: *Die wahre Kirche wird darin erkannt, dass in ihr das Wort Gottes lauter und rein ohne Menschenzusätze gelehrt und die Sacramente treu nach Christi Einsetzung gewahrt werden.*⁴⁹

По этому определению все те, которые прибавили что-либо к учению Христа и апостолов, как это сделали католическая и греческая церковь, – находятся вне церкви. И в церкви – одни протестанты.

Католики утверждают, что св. дух непрерывно действовал в их иерархии; православные утверждают, что тот же св. дух непрерывно действовал в их иерархии; ариане утверждали, что св. дух действовал в их иерархии (утверждали это с таким же правом, с каким утверждают это теперь царствующие церкви); всякого рода протестанты: лютеране, реформаты, пресвитеры, методисты, сведенборгианцы, мормоны утверждают, что св. дух действует только в их собраниях.

Если католики утверждают, что Дух святой во время разделения церквей арианской и греческой оставлял отпавшие церкви и оставался в одной истинной, то точно с таким же правом могут утверждать протестанты всякого наименования, что во время отделения их церкви от католической дух святой оставлял католическую и переходил в церковь, ими признаваемую. Так они это и делают.

Всякая церковь выводит свое исповедание через непрерывное предание от Христа и апостолов. И действительно, всякое христианское исповедание, происходя от Христа, неизбежно должно было дойти до настоящего поколения через известное предание. Но это не доказывает того, чтобы одно из этих преданий, исключая все другие, было несомненно истинно.

Каждый сучок на дереве идет без перерыва от корня; но то, что каждый сучок идет от одного корня, никак не доказывает того, чтобы каждый сучок был единственный. Точно так же и церкви. Каждая церковь представляет точно такие же доказательства своей преемственности и даже чудес в пользу истинности своей, как и всякая другая; так что строгое и точное определение того, что есть церковь (не как нечто фантастическое, чего бы нам хотелось, но

⁴⁸ Кто находится вне церкви? – Неверные, еретики и схизматики.

⁴⁹ Истинная церковь узнается по тому, что в ней слово бога ясно и чисто, без человеческих прибавлений преподается и таинства верно по учению Христа установлены.

как то, что есть и было в действительности), – только одно: церковь есть такое собрание людей, которые утверждают про себя, что они находятся в полном и единственном обладании истины.

Вот эти-то собрания, перешедшие впоследствии при помощи поддержки власти в могущественные учреждения, и были главными препятствиями распространению истинного понимания учения Христа.

Оно и не могло быть иначе: главная особенность учения Христа от всех прежних учений состояла в том, что люди, принявшие его, всё больше и больше стремились понимать и исполнять учение; церковное же учение утверждало свое полное и окончательное понимание и исполнение его.

Как ни странно это кажется для нас, людей воспитанных в ложном учении о церкви как о христианском учреждении и в презрении к ереси, – но только в том, что называлось ересью и было истинное движение, т. е. истинное христианство, и только тогда переставало быть им, когда оно в этих ересьях останавливалось в своем движении и так же закреплялось в неподвижные формы церкви.

В самом деле, что такое ересь? Перечитайте все богословские сочинения, трактующие о ересьях, о том предмете, который первый представляется для определения, так как каждое богословие говорит об истинном учении среди окружающих его ложных, т. е. ересей, и нигде не найдете даже подобия какого-нибудь определения ереси.

Образцом того полного отсутствия какого-нибудь подобия определения того, что понимается под словом «ересь», может служить суждение об этом предмете ученого историка христианства E. de Pressensé в его «Histoire du Dogme» с эпиграфом «Ubi Christus, ibi Ecclesia» (Paris, 1869). Вот что он говорит в своем предисловии (стр. 3): «Je sais, que l'on nous conteste le droit de qualifier ainsi, т. е. называть ересями les tendances, qui furent si vivement combattues par les premiers Pères. La désignation même d'hérésie semble une atteinte portée à la liberté de conscience et de pensée. Nous ne pouvons partager ces scrupules, car ils n'iraient à rien moins qu'à enlever au christianisme tout caractère distinctif».⁵⁰

И, сказав, что после Константина церковь действительно злоупотребляла своей властью определять несогласных еретиками и преследовать их, он, обсуждая первые времена, говорит:

«L'Eglise est une libre association; il y a tout profit à se séparer d'elle. La polémique contre l'erreur n'a d'autres ressources que la pensée et le sentiment. Un type doctrinal uniforme n'a pas encore été élaboré; les divergences secondaires se produisent en Orient et en Occident avec une entière liberté, la théologie n'est point liée à d'invariables formules. Si au sein de cette diversité apparaît un fonds commun de croyances, n'est-on pas en droit d'y voir non pas un système formulé et composé par les représentants d'une autorité d'école, mais la foi elle-même, dans son instinct le plus sûr et sa manifestation la plus spontanée? Si cette même unanimité qui se révèle dans les croyances essentielles, se retrouve pour repousser telles ou telles tendances, ne serons-nous pas en droit de conclure que ces tendances étaient en désaccord flagrant avec les principes fondamentaux du christianisme? Cette présomption ne se transformera-t-elle pas en certitude si nous reconnaissons dans la doctrine universellement repoussée par l'Eglise, les traits caractéristiques de l'une des religions du passé? Pour dire que le gnosticisme ou l'ebionitisme sont les formes légitimes de la pensée chrétienne, il faut dire hardiment qu'il n'y a pas de pensée chrétienne, ni de caractère spécifique qui la fasse reconnaître. Sous prétexte de l'élargir on la dissout. Personne, au temps de Platon, n'eût osé couvrir de son nom une doctrine qui n'eût pas fait place à la théorie des idées, et l'on eût excité les justes moqueries de la Grèce, en voulant faire d'Epicure où de Zénon un disciple de l'Académie.

⁵⁰ Я знаю, что у нас оспаривают право так определять (т. е. называть ересями) те направления, с которыми столь напряженно боролись первые отцы. Одно название «ересь» представляется покушением на свободу совести и мысли. Но мы, с своей стороны, не можем разделять подобных сомнений, которые привели бы ни к чему другому, как к отнятию у христианства его отличительного характера.

Reconnaissons donc que s'il existe une religion ou une doctrine, qui s'appelle le christianisme elle peut avoir ses hérésies». ⁵¹

Все рассуждение автора сводится к тому, что всякое суждение, несогласное с исповедуемым нами в данное время сводом догматов, есть ересь. Но ведь в данное время и в данном месте люди что-нибудь да исповедуют и это исповедание чего-нибудь, где-нибудь, когда-нибудь не может быть критерием истины.

Всё сводится к тому, что *ubi Christus, ibi ecclesia*. Christus же там, где мы.

Всякая так называемая ересь, признавая истиной то, что она исповедует, может точно так же найти в истории церкви последовательное выяснение того, что она исповедует, употребить для себя все аргументы Пресансе и называть только свое исповедание истинно христианским, что и делали и делают все ереси.

Единственное определение ереси (слово αἵρεσις значит часть) есть название, которое дает собрание людей всякому суждению, опровергающему часть учения, исповедуемого собранием. Более же частное значение, чаще всего приписываемое ереси, есть значение мнения, опровергающее установленное и поддерживаемое светской властью церковное учение.

Есть замечательное малоизвестное огромное сочинение («Unparteiische Kirchen und Ketzer-Historie», 1729 г.) Готфрида Арнольда, трактующего прямо об этом предмете и показывающего всю незаконность, произвольность, бессмысленность и жестокость употребления слова «ересь» в смысле отвержения. Книга эта есть попытка описания истории христианства в форме истории ересей.

В вступлении автор ставит ряд вопросов: 1) о тех, которые делают еретиков (*von den Ketzermachern selbst*); 2) о тех, кого делали еретиками; 3) о самих предметах ереси; 4) о способе делания еретиков и 5) о целях и последствиях делания еретиков.

На каждый из этих пунктов он ставит еще десятки вопросов, ответы на которые дает потом из сочинений известных богословов, а главное предоставляет самому читателю сделать вывод из изложения всей книги. Как образцы этих вопросов, заключающих в себе отчасти и ответы, приведу следующие. По 4-му пункту о том, как делаются еретики, он говорит в одном из вопросов (в 7-м): «Не показывает ли вся история того, что самые большие делатели еретиков и мастера этого дела были именно те мудрецы, от которых отец скрыл свои тайны, т. е. лицемеры, фарисеи и законники или совершенно безбожные и извращенные люди». (Вопр. 20—21): «И что не были ли в испорченные времена христианства отброшены лицемерами и завистниками те самые люди, особенно одаренные от бога великими дарами, которые во времена чистого христианства были бы высоко почитаемы. И напротив, не были ли бы эти люди, которые при упадке христианства возвысили себя выше всего и признали себя учителями чистейшего христианства, не были ли бы те люди во времена апостолов и учеников Христа признаны самыми постыдными еретиками и антихристианами».

⁵¹ Церковь есть ассоциация свободная; отделяться от нее представляет только выгоду. Polemica против заблуждения осуществима только на основании мысли и чувства. Общая и единая догматическая форма до сих пор еще не выработана; частные разногласия свободно проявляются как на Востоке, так и на Западе; теология вовсе не прикована к неизменным формулам. Если среди всего этого разногласия просвечивает фон общих верований, то разве мы не вправе в этом видеть не окончательно оформленную систему, составленную авторитетными представителями той или другой школы, а – самую веру в ее чистейшем побуждении и в самом непосредственном ее проявлении? Если оказывается, что это самое единство, которое обнаруживается во всех основных верованиях, восстает против тех или других направлений, то разве мы не вправе из этого предположить, что эти направления были в противоречии с основными принципами христианства? И не обратится ли такое наше предположение в полную уверенность тогда, когда мы признаем в таком учении, отвергнутом церковью, характеристические черты той или другой отжившей религии? Если допустить, что гностицизм и эбионитизм суть законные формы христианской мысли, то приходится смело признать, что вовсе нет ни христианской мысли, ни отличительного характера, по которому можно было бы ее узнать. Под предлогом ее расширить, мы ее совсем упразднили бы. Во время Платона никто не посмел бы выразить свое одобрение такому учению, в котором не умещалась бы теория идей, и рассмешил бы всю Грецию тот, кто вздумал бы причислить Эпикура или Зенона к ученикам Академии. Итак, допустим, что если существует религия или учение, называемое христианством, то оно может иметь свои ереси (стр. 4).

Между прочим, высказывая в этих вопросах мысль о том, что словесное выражение сущности веры, которое требовалось церковью и отступление от которого считалось ересью, никогда не могло вполне покрывать самого мирозерцания верующего и что потому требование выражения веры известными словами и производило ереси, он в вопросе 21-м и 33-м говорит:

«И что если человеку божественные дела и мысли представляются столь великими и глубокими, что он не находит соответствующих слов для их выражения, то следует ли его признать еретиком, если он не может вполне точно выразить свое понятие? И что не оттого ли в первые времена не было ереси, что христиане судили друг друга не по словесным выражениям, но по сердцу и делам, при совершенной свободе выражения своих мыслей, без страха быть признанным еретиком? Не было ли самым обыкновенным и легким способом церкви (говорит он в 31-м вопросе), если клир хотел избавиться или погубить кого, сделать это лицо подозрительным в его учении и набросить на него плащ еретичества и тем осудить и устранить это лицо?»

«Хотя и справедливо то, что среди так называемых еретиков были грехи и заблуждения, но не менее справедливо и очевидно из бесчисленных приводимых здесь примеров (т. е. в истории церкви и ереси) и то, говорит он далее, что нет и не было ни одного искреннего и совестливого человека с некоторым значением, который бы из зависти или других причин не был бы погублен церковниками».

Так почти 200 лет тому назад понималось уже значение ереси, и, несмотря на то, понятие это существует до сих пор. Оно и не может не существовать до тех пор, пока существует понятие церкви. Ересь есть обратная сторона церкви. Там, где есть церковь, должно быть и понятие ереси. Церковь есть собрание людей, утверждающих про себя, что они обладают несомненной истиной. Ересь есть мнение людей, не признающих несомненность истины церкви.

Ересь есть проявление движения в церкви, есть попытка разрушения заочневшего утверждения церкви, попытка живого понимания учения. Всякий шаг движения вперед, понимания и исполнения учения совершался еретиками: еретики были и Тертуллиан, и Ориген, и Августин, и Лютер, и Гус, и Савонаролла, и Хельчицкий и др. Оно и не могло быть иначе.

Ученик Христа, учение которого состоит в вечном большем и большем постигновении учения и большем и большем исполнении его, в движении к совершенству, не может именно потому, что он ученик Христа, утверждать про себя или про другого, что он понимает вполне учение Христа и исполняет его; еще менее может утверждать это про какое-либо собрание.

На какой бы ступени понимания и совершенства ни находился ученик Христа, он всегда чувствует недостаточность своего и понимания и исполнения и всегда стремится к большему и пониманию и исполнению. И потому утверждение про себя или про какое-либо собрание, что я или мы находимся в обладании совершенного понимания и исполнения учения Христа, есть отречение от духа учения Христа.

Как ни странно это кажется, церкви, как церкви, всегда были и не могут не быть учреждениями не только чуждыми, но прямо враждебными учению Христа. Недаром Вольтер (Voltaire) называл ее l'infame (бесчестная); недаром все или почти все христианские так называемые секты признавали и признают церковь той блудницей, о которой пророчествует апокалипсис; недаром история церкви есть история величайших жестокостей и ужасов.

Церкви, как церкви, не суть некоторые учреждения, имеющие в основе своей христианское начало, хотя и несколько отклонившиеся от прямого пути, как это думают многие; церкви, как церкви, как собрания, утверждающие свою непогрешимость, суть учреждения противохристианские. Между церквами, как церквами, и христианством не только нет ничего общего, кроме имени, но это два совершенно противоположные и враждебные друг другу начала. Одно – гордость, насилие, самоутверждение, неподвижность и смерть; другое – смирение, покаяние, покорность, движение и жизнь.

Нельзя служить вместе этим двум господам, надо выбрать того или другого.

Служители церквей всех исповеданий, в особенности в последнее время, стараются выставить себя сторонниками движения в христианстве: они делают уступки, желают исправить вкравшиеся в церкви злоупотребления и говорят, что из-за злоупотреблений нельзя отрицать самого принципа христианской церкви, которая одна только может соединить всех воедино и быть посредницей между людьми и богом. Но это всё несправедливо. Церкви не только никогда не соединяли, но были всегда одной из главных причин разъединения людей, ненависти друг к другу, войн, побоищ, инквизиций, варфоломеевских ночей и т. п., и церкви никогда не служат посредниками между людьми и богом, чего и не нужно и что прямо запрещено Христом, открывшим свое учение прямо непосредственно каждому человеку, но ставят мертвые формы вместо бога и не только не открывают, но заслоняют от людей бога. Церкви, возникшие из непонимания и поддерживающие это непонимание своей неподвижностью, не могут не преследовать и не гнать всякое понимание учения. Они стараются скрыть это, но это невозможно потому, что всякое движение вперед по пути, указанному Христом, разрушает их существование.

Послушаешь и почитаешь статьи и проповеди, в которых церковные писатели нового времени всех исповеданий говорят о христианских истинах и добродетелях, слушаешь и почитаешь эти веками выработанные искусные рассуждения, увещания, исповедания, иногда как будто похожие на искренние, и готов усомниться в том, чтобы церкви могли быть враждебны христианству: «не может же быть того, чтобы эти люди, выставившие таких людей, как Златоусты, Фенелоны, Ботлеры, и других проповедников христианства, были враждебны ему». Хочется сказать: «церкви могли отклоняться от христианства, ошибаться, но не могли они быть враждебны ему». Но посмотришь на плоды, чтобы оценить дерево, как учил Христос, и увидишь, что плоды их были злы, что последствием их деятельности было извращение христианства, и не можешь не признать, что, как ни добры были люди, — дело церкви, в котором эти люди участвовали, было нехристианское. Доброта и достоинства всех этих людей, служивших церквям, были доброта и достоинства людей, но не того дела, которому они служили. Все эти добрые люди, — как оба Франциска, d'Assise и de Lobes, наш Тихон Задонский, Фома Кемпийский и др. были добрые люди, несмотря на то, что они служили делу, враждебному христианству, и они были бы еще добрее и достойнее, если бы не подпали тому заблуждению, которому служили.

Но зачем говорить о прошедшем, судить о прошедшем, которое может быть ложно представлено и мало известно нам: церкви с своими основами и с своей деятельностью не есть дело прошедшего; церкви теперь перед нами, и мы можем судить о них на деле по их деятельности, их влиянию на людей.

В чем же состоит теперь деятельность церквей? Как они влияют на людей? Что делается церквями у нас, у католиков, у протестантов всяких наименований; в чем их деятельность и какие последствия их деятельности?

Деятельность нашей русской, так называемой православной, церкви на виду у всех. Это факт огромный, который скрыть нельзя и о котором спорить нельзя.

В чем состоит деятельность этой русской церкви, этого огромного напряженно действующего учреждения, состоящего из полумиллионного полчища, стоящего народу десятки миллионов?

Деятельность этой церкви состоит в том, чтобы всеми возможными мерами внушить 100-миллионной массе русского народа те отсталые, отжитые, не имеющие теперь никакого оправдания верования, которые когда-то исповедовали чуждые нашему народу люди и в которые почти никто уже не верит, часто даже и те, на обязанности которых лежит распространение этих ложных верований.

Внушение народу этих чуждых ему, отжитых и не имеющих уже никакого смысла для людей нашего времени формул византийского духовенства о троице, о божией матери, о таин-

ствах, о благодати и т. п. составляет одну часть деятельности русской церкви; другую часть ее деятельности составляет деятельность поддержания идолопоклонства в самом прямом смысле этого слова: почитания святых мощей, икон, принесения им жертв и ожидания от них исполнения желаний. Не буду говорить о том, что говорится, пишется духовенством с оттенком научности и либерализма в духовных журналах, а буду говорить о том, что действительно совершается духовенством по всей обширной русской земле среди 100-миллионного народа. Чему старательно, неупустительно, напряженно везде одинаково учат народ? Чего от него требуют в силу так называемой христианской веры?

Начну с начала, с рождения ребенка: при рождении ребенка учат тому, что надо над ребенком и матерью прочитать молитву, чтобы очистить их, так как без молитвы этой родившая мать погана. Для этого перед изображениями святых, называемых народом прямо богами, священник берет в руки ребенка и читает закликательные слова и этим очищает мать. Потом внушается родителям и даже требуется от них под страхом наказания за неисполнение, чтобы ребенок был непременно крещен, т. е. обмокнут священником три раза в воду, причем читаются никому не понятные слова и совершаются еще менее понятные действия, — мазание маслом разных частей тела, стрижка волос и дутье и плевание восприемников на воображаемого дьявола. Всё это должно очистить ребенка и сделать его христианином. Потом внушается родителям, что ребенка надо причастить, т. е. дать ему под видом хлеба и вина съесть частицу тела Христа, вследствие чего ребенок примет в себя благодать Христа и т. д. Потом внушается, что этого ребенка, по мере возраста, надо выучить молиться. Молиться — значит становиться прямо перед досками, на которых нарисованы лица Христа, богородицы, святых, и кланяться головой, всем телом, а правой рукой, со сложенными известным образом пальцами, дотрагиваться до лба, плеч и живота и произносить славянские слова, из которых самые употребительные и всем детям внушаемые: богородица, дева радуйся и т. д. Потом внушается воспитываемому, что при виде всякой церкви и иконы надо делать опять то же, т. е. креститься; потом внушается, что в праздники (праздники — это дни, в которые Христос родился, хотя никто не знает, когда это было, дни, в которые он обрзался, в которые умерла богородица, в которые принесен крест, в которые внесена икона, в которые юродивый видел видение и т. п.), в праздники надо одеться в лучшие одежды и идти в церковь и покупать и ставить там свечи перед изображениями святых, подавать записочки и поминания и хлебцы, для вырезывания в них треугольников, и потом молиться много раз за здоровье и благоденствие царя и архиереев и за себя и за свои дела и потом целовать крест и руку у священника.

Кроме этой молитвы, внушается еще, что надо каждый год, по крайней мере один раз, говеть. Говеть — значит войти в церковь и сказать священнику свои грехи, предполагая, что это сообщение своих грехов чужому человеку совершенно очищает от грехов, и потом съесть с ложечки кусочек хлеба с вином, что еще более очищает. Потом внушается, что если мужчина и женщина хотят, чтобы их плотское общение было свято, то они должны прийти в церковь, надеть на себя металлические короны, выпить питья, обойти под звуки пения три раза вокруг стола, и что тогда плотское общение мужчины и женщины делается святым и совсем особенным от всяких других.

В жизни же внушается, что надо соблюдать следующие правила: не есть мяса и молока в известные дни, еще в другие известные дни служить молебны и панихиды по умершим, в праздники принимать священника и давать ему деньги и несколько раз в году брать из церкви доски с изображениями и носить их на полотенцах по полям и домам. Перед смертью же внушается, что человек должен непременно съесть с ложечки хлеба с вином, а еще лучше, если успеет помазаться маслом. Это обеспечивает ему благо в будущей жизни. После же смерти внушается родным его, что для спасения души умершего полезно положить ему в руки печатную бумагу с молитвой; полезно еще, чтобы над мертвым телом прочли известную книгу и чтобы в церкви в известное время произносили бы имя умершего.

В этом считается обязательная вера для каждого.

Но если кто особенно хочет позаботиться о своей душе, то по этой вере внушается, что наибольшее обеспечение блаженства души на том свете достигается еще тем, чтобы жертвовать деньги на церкви и монастыри, обязывая этим святых людей молиться за себя. Спасительны еще, по этой вере, для души хождения по монастырям и целование явленных икон и мощей.

По этой вере явленные иконы и мощи сосредоточивают в себе особенную святость, силу и благодать и близость к этим предметам: прикосновение, целование, становление свеч к ним, подлезание под них много содействует спасению, равно и молебны, заказываемые перед этими святынями.

И вот эта-то вера, и никакая другая, называемая православной, т. е. настоящей верой, под видом христианской, всеми силами в продолжение многих веков и с особенным напряжением теперь внушается народу.

И пусть не говорят, что православные учителя полагают сущность учения в чем-либо другом, а что это только древние формы, которые не считаются нужным разрушать. Это неправда: по всей России всем русским духовенством и в последнее время с особенным напряжением внушается только эта вера. Другого ничего нет. Про другое говорится и пишется в столицах, но среди стомиллионного народа делается только это и внушается только это, и больше ничего. О другом церковники разговаривают, а это они внушают всеми возможными мерами.

Всё это и поклонение лицам и иконам внесено в богословие, в катехизисы; этому старательно учат народ теоретически и практически, всеми средствами торжественности, блеска, авторитета, насилия гипнотизируя его, заставляют его верить в это и ревниво оберегают эту веру от каждой попытки освобождения народа от этих диких суеверий.

На моих глазах, как я говорил, по случаю моей книги, в продолжение многих лет учение Христа и его собственные слова о непротивлении злу были предметом насмешек, балаган-ных шуток и церковники не только не противились этому, но поощряли это кощунство; но попробуйте сказать непочтительное слово о безобразном идолу, кощунственно развозимом по Москве пьяными людьми под именем Иверской, и поднимется стон негодования этих самых православных церковников. Проповедуется только внешний культ идолопоклонства. И пусть не говорят, что одно не мешает другому, что «сие надлежит делать и того не оставлять», что «все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте, по делам же их не поступайте, ибо они говорят и не делают» (Мф. XXIII, 23, 3). Это сказано о фарисеях, которые исполняли все внешние предписания закона, и потому слова: «что велят вам соблюдать, соблюдайте», относятся к делам милости и добра, слова же: «по делам же их не поступайте, они говорят, но не делают», относятся к исполнению обрядов и упущению дел добра и имеют как раз обратный смысл того, который хотят придать этому месту церковники, толкуя так, что соблюдать велено обряды. Внешний культ и служение милости и правде трудно совместимы; большею частью одно исключает другое. Так было это у фарисеев, так это и теперь у церковных христиан.

Если человек может спастись искушением, таинствами, молитвой, то добрые дела уже не нужны ему.

Нагорная проповедь или символ веры: нельзя верить тому и другому. И церковники выбрали последнее: символ веры учится и читается, как молитва и в церквях, а нагорная проповедь исключена даже из чтений евангельских в церквях, так что в церквях никогда, кроме как в те дни, когда читается всё Евангелие, прихожане не услышат ее. Да и не может быть иначе: люди, верующие в злого и безрассудного бога, — проклявшего род человеческий и обрекшего своего сына на жертву и часть людей на вечное мучение, — не могут верить в бога любви. Человек, верующий в бога Христа паки грядущего со славою судить и казнить живых и мертвых, не может верить в Христа, повелевающего подставлять щеку обидчику, не судить, прощать и любить врагов. Человек, верующий в боговдохновенность Ветхого Завета и святость Давида, завещающего на смертном одре убийство старика, оскорбившего его и которого он сам не мог

убить, так как был связан клятвой (3-я Книга Царей, глава 2, стих 8), и тому подобные мерзости, которыми полон Ветхий Завет, не может верить в нравственный закон Христа; человек, верующий в учение и проповеди церкви о совместимости с христианством казней, войн, не может уже верить в братство всех людей.

Главное же, человек, верующий в спасение людей верою в искупление или в таинства, не может уже все силы свои полагать на исполнение в жизни нравственного учения Христа.

Человек, наученный церковью тому кощунственному учению о том, что человек не может спастись своими силами, а что есть другое средство, неизбежно будет прибегать к этому средству, а не к своим силам, на которые, его уверяют, грех надеяться. Учение церковное – всякое, с своим искуплением и таинствами, исключает Христово учение, тем более учение православное с своим идолопоклонством.

«Но народ сам так всегда верил, так верит теперь, – скажут на это. – Вся история русского народа доказывает это. Нельзя лишить народа его предания». В этом-то и обман. Народ когда-то точно исповедовал нечто подобное тому, что исповедует теперь церковь, хотя далеко не то же самое (в народе, кроме этого изуверства икон, домовых, мощей и семиков с венками и березками, всегда было еще глубокое нравственное жизненное понимание христианства, которого никогда не было во всей церкви, а встречалось только в лучших представителях ее); но народ, несмотря на все препятствия, которые в этом ставило ему государство и церковь, давно уже пережил в лучших представителях своих эту грубую степень понимания, что он и показывает самозарождающимися везде рационалистическими сектами, которыми кишит теперь Россия и с которыми так безуспешно борются теперь церковники. Народ идет вперед в сознании нравственной, жизненной стороны христианства. И вот тут-то и является церковь с своим не подерживанием, но усиленным внушением отжившего язычества в своей законченной форме, с своим стремлением втолкнуть опять народ в тот мрак, из которого он выбивается с таким усилием.

«Мы не учим ничему новому народ, но только тому, во что он верует, но только в более совершенной форме», – говорят священники. Это то же самое, что бы делал человек, связывая вырастающего цыпленка и засовывая в скорлупу, из которой он вышел.

Меня часто поражало это комическое, если бы последствия его не были так ужасны, наблюдение о том, как люди, сцепившись кругом, обманывают друг друга и не могут выйти из этого заколдованного круга.

Первый вопрос, первое сомнение начинающего мыслить русского человека есть вопрос об явленных иконах и, главное, о мощах: правда ли, что они нетленны и что от них совершаются чудеса? Сотни и тысячи людей задают себе эти вопросы и затрудняются в разрешении их преимущественно тем, что архиереи, митрополиты и все высокопоставленные люди прикладываются к мощам и чудотворным иконам. Спросить у архиерея и высокопоставленных лиц, зачем они это делают, они скажут, что делают для народа, а народ прикладывается потому, что архиереи и высокопоставленные лица это делают.

Деятельность русской церкви, несмотря на весь тот внешний лоск современности, учености, духовности, который ее члены теперь начинают принимать в своих сочинениях, статьях, в духовных журналах и проповедях, состоит только в том, чтобы не только держать народ в том состоянии грубого и дикого идолопоклонства, в котором он находился, но еще усиливать и распространять суеверие и религиозное невежество, вытесняя из народа живущее в нем рядом с идолопоклонством жизненное понимание христианства.

Помню, раз в монастырской книжной лавке Оптиной пустыни, я присутствовал при выборе старым мужиком божественных книг для своего грамотного внука. Монах подсовывал ему описание мощей, праздников, явлений икон, псалтырь и т. п. Я спросил старика, есть ли у него Евангелие? Нет. «Дайте ему русское Евангелие», – сказал я монаху. «Это им нейдет», – сказал мне монах.

Это в сжатом виде деятельность нашей церкви.

Но это так только в варварской России, скажет на это европейский или американский читатель. И такое суждение будет справедливо, но только в той мере, в которой это суждение относится к правительству, помогающему церкви совершать ее одуряющее и развращающее действие в России.

Справедливо, что нигде в Европе нет столь деспотического правительства и до такой степени согласного с царствующей церковью. И потому участие власти в развращении народа в России самое сильное; но несправедливо, чтобы церковь русская в своем влиянии на народ отличалась чем-нибудь от какой-либо другой церкви.

Церкви везде одни и те же, и если католическая, англиканская и лютеранская не имеют под рукой такого покорного правительства, как русское, то это происходит не от отсутствия желания воспользоваться таковым.

Церковь как церковь, какая бы она ни была – католическая, англиканская, лютеранская, пресвитерианская, всякая церковь, насколько она церковь, не может не стремиться к тому же, к чему и русская церковь, к тому, чтобы скрыть настоящий смысл учения Христа и заменить его своим учением, которое ни к чему не обязывает, исключает возможность понимания истинного, деятельного учения Христа и, главное, оправдывает существование жрецов, кормящихся на счет народа.

Разве что-либо другое делало и делает католичество с своим запретом чтения Евангелия и с своим требованием нерассуждающей покорности церковным руководителям и непогрешимому папе? Разве что-либо другое, чем русская церковь, проповедует католичество? Тот же внешний культ, те же мощи, чудеса и статуи, чудодейственные Notre-Dames и процессии. Те же возвышенно туманные суждения о христианстве в книгах и проповедях, а когда дойдет до дела, то поддержание самого грубого идолопоклонства.

И разве не то же самое делается и в англиканстве, лютеранстве, во всяком протестантизме, сложившемся в церковь? Те же требования от паствы веры в догматы, выраженные в IV веке и потерявшие всякий смысл для людей нашего времени, и то же требование идолопоклонства, если не перед мощами, иконами, то перед днем субботним и буквой Библии. Всё та же деятельность, направленная на то, чтобы скрыть настоящие требования христианства и на место их поставить ни к чему не обязывающую внешность и *sant*, как прекрасно определяют англичане то самое занятие, которому они особенно подвержены. Среди протестантизма эта деятельность особенно заметна потому, что нет у этого исповедания даже отговорки древности. И разве не то же самое происходит и в теперешнем ривайвализме – обновленном кальвинизме, евангелизме, из которого выродилась армия спасения.

Как одинаково положение всех церковных учений, по отношению к учению Христа, так одинаковы и их приемы.

Положение их таково, что им нельзя не напрягать все усилия на то, чтобы скрыть учение Христа, именем которого они пользуются.

Несоответствие всех церковных исповеданий с учением Христа ведь таково, что нужны особенные усилия, чтобы скрыть это несоответствие от людей. В самом деле, ведь стоит только вдуматься в положение каждого взрослого, не только образованного, но самого простого человека нашего времени, набравшегося носящихся в воздухе понятий о геологии, физике, химии, космографии, истории, когда он в первый раз сознательно отнесется к тем, в детстве внушенным ему и поддерживаемым церквами, верованиям о том, что бог сотворил мир в шесть дней; свет прежде солнца, что Ной засунул всех зверей в свой ковчег и т. п.; что Иисус есть тоже бог-сын, который творил всё до времени; что этот бог сошел на землю за грех Адама; что он воскрес, вознеся и сидит одесную отца и придет на облаках судить мир и т. п.

Ведь все эти положения, выработанные людьми IV века и имевшие для людей того времени известный смысл, для людей нашего времени не имеют никакого. Люди нашего времени

могут устами повторять эти слова, но верить не могут, потому что слова эти, как то, что бог живет на небе, что небо раскрылось и оттуда сказал голос что-то, что Христос воскрес и полетел куда-то на небо и опять придет откуда-то на облаках и т. п., – не имеют для нас смысла.

Можно было человеку, считавшему небо конечным, твердым сводом, верить или не верить, что бог сотворил небо, что небо раскрылось, что Христос улетел на небо, но для нас все эти слова не имеют никакого значения. Люди нашего времени могут только верить, что в это надо верить, что они и делают; но верить не могут в то, что для них не имеет смысла.

Если же все эти выражения должны иметь иносказательный смысл и суть прообразы, то ведь мы знаем, что, во-первых, не все церковники согласны в этом, а, напротив, большинство настаивает на понимании священного писания в прямом смысле, а, во-вторых, то, что толкования эти очень многообразны и ничем не подтверждаются.

Но, даже если человек и захочет заставить себя верить учению церкви, так, как оно преподается, – всеобщее распространение грамотности и Евангелий и общение между собою людей разных исповеданий составляют для этого другое еще более непреодолимое препятствие.

Ведь стоит только человеку нашего времени купить за 3 копейки Евангелие и прочесть ясные, не подлежащие перетолкованию слова Христа к самарянке о том, что отцу нужны поклонники не в Иерусалиме, не на той горе и не на этой, а поклонники в духе и истине, или слова о том, что молиться христианин должен не как язычник в храмах и на виду, а тайно, т. е. в своей клети, или что ученик Христа никого не должен называть отцом или учителем, стоит только прочесть эти слова, чтобы убедиться, что никакие духовные пастыри, называющиеся учителями в противоположность учению Христа и спорящие между собою, не составляют никакого авторитета и что то, чему нас учат церковники, не есть христианство. Но мало и этого: если бы человек нашего времени и продолжал верить в чудеса и не читал бы Евангелия, одно общение с людьми других исповеданий и вер, сделавшееся столь легким в наше время, заставит человека усомниться в истинности своей веры. Хорошо было человеку, не выдававшему людей другого исповедания, чем он сам, верить, что его исповедание – одно истинное; но стоит только думающему человеку столкнуться, как это теперь беспрестанно случается, с людьми одинаково добрыми и злыми разных исповеданий, осуждающих веры друг друга, чтобы усомниться в истинности исповедуемой им веры. В наше время только человек совершенно невежественный или совершенно равнодушный к вопросам жизни, освящаемым религией, может оставаться в церковной вере.

Какие же нужны церквям хитрости и усилия, чтобы, несмотря на все эти разрушающие веру условия, продолжать строить церкви, служить обедни, проповедовать, учить, обращать и, главное, получать за это огромное содержание, как все эти священники, пастыри, интенданты, суперинтенданты, аббаты, архиidiaконы, епископы и архиепископы.

Нужны особенные, сверхъестественные усилия. И такие усилия, всё более и более напрягая их, и употребляют церкви. У нас в России (кроме всех других) употребляется простое, грубое насилие покорной церкви власти. Людей, отступающих от внешнего выражения веры и высказывающих это, или прямо наказывают, или лишают прав; людей же, строго держащихся внешних форм веры, награждают, дают права.

Так поступают православные; но и все церкви без исключения пользуются всеми для этого средствами, из которых главное – то, что теперь называется гипнотизацией.

Пускаются в дело все искусства от архитектуры до поэзии для воздействия на души людей и для одурения их, и воздействие это происходит непрерывающееся. Особенно очевидна эта необходимость гипнотизирующего воздействия на людей для приведения их в состояние одурения на деятельности армии спасения, употребляющей новые, не привычные нам приемы труб, барабанов, песней, знамен, нарядов, шествий, плясок, слез и драматических приемов.

Но, это нас поражает только потому, что это новые приемы; разве старые приемы храмов с особенным освещением, с золотом, блеском, свечами, хорами, органом, колоколами, ризами, плаксивыми проповедями и т. п. не то же самое?

Но, как ни сильно это действие гипнотизации, не в этом главная и самая зловердная деятельность церквей. Главная и наизловерднейшая деятельность церкви есть та, которая направлена на обман детей, тех самых детей, про которых Христос сказал, что горе тому, кто соблазнит единого из малых сих. С самого первого пробуждения сознания ребенка его начинают обманывать, с торжественностью внушать ему то, во что не верят сами внушающие, и внушать до тех пор, пока обман не срастется посредством привычки с природой ребенка. Ребенка старательно обманывают в самом важном деле в жизни, и когда обман так сросся с его жизнью, что уже трудно оторвать его, тогда перед ребенком открывают весь мир науки и действительности, который никаким образом не может совместиться с внушенными ему верованиями, предоставляя ему разбираться самому, как он умеет, в этих противоречиях.

Ведь если поставить себе задачей запутать человека так, чтобы он не мог с здоровым умом выбраться из внушенных ему с детства двух противоположных мирозерцаний, то нельзя ничего придумать сильнее того, что совершается над всяким молодым человеком, воспитываемым в нашем так называемом христианском обществе.

Ужасно то, что делают над людьми церкви, но если вдуматься в их положение, то тем людям, которые составляют учреждение церквей, иначе поступать нельзя. Перед церквами стоит дилемма: нагорная проповедь или Никейский символ – одно исключает другое: если человек искренно поверит в нагорную проповедь, Никейский символ неизбежно потеряет для него смысл и значение и вместе с ним церковь и ее представители; если же человек поверит в Никейский символ, т. е. в церковь, т. е. в тех, которые называют себя представителями ее, то нагорная проповедь станет для него излишняя. И потому церквам нельзя не употреблять всех возможных усилий для затемнения смысла нагорной проповеди и для привлечения к себе людей. Только благодаря напряженной деятельности церквей в этом направлении держалось до сих пор влияние церквей. Останови церковь хоть на самый короткий срок это воздействие на массы гипнотизацией и обманом детей, и люди поймут учение Христа. А понимание учения уничтожает церкви и значение их. И потому церкви ни на мгновение не прекращают усиленной деятельности и гипнотизации взрослых и обмана детей. И вот эта-то деятельность церквей, внушающая людям ложное понимание учения Христа, и служит препятствием понимания его для большинства людей, так называемых верующих.

IV

Теперь скажу о другом мнимом понимании христианства, мешающем истинному пониманию его, – о понимании научном.

Церковные люди считают христианством то представление о нем, которое они себе составили, и это-то понимание христианства считают единым несомненно истинным.

Люди науки считают христианством только то, что исповедовали и исповедуют различные церкви, и, предполагая, что исповедания эти исчерпывают всё значение христианства, признают его отжившим свое время религиозным учением.

Для того, чтобы ясно было, как невозможно при таком взгляде понять христианское учение, необходимо составить себе понятие о том месте, которое в действительности занимали и занимают религии вообще и, в частности, христианская в жизни человечества, и о том значении, которое приписывается им наукой.

Как отдельный человек не может жить, не имея известного представления о смысле своей жизни, и всегда, хотя часто и бессознательно, соображает свои поступки с этим придаваемым им своей жизни смыслом, так точно и совокупности людей, живущих в одинаковых условиях –

народы, не могут не иметь представления о смысле их совокупной жизни и вытекающей из нее деятельности. И как отдельный человек, вступая в новый возраст, неизбежно изменяет свое понимание жизни, и взрослый человек видит смысл ее в ином, чем ребенок, так точно и совокупность людей, народа, неизбежно, соответственно возрасту своему, изменяет свое понимание жизни и вытекающую из этого понимания деятельность.

Различие в этом отношении отдельного человека от всего человечества состоит в том, что, тогда как отдельный человек в определении, свойственного тому новому периоду жизни, в который он вступает, понимания жизни и вытекающей из него деятельности пользуется указаниями прежде живших его людей, переживших уже тот возраст, в который он вступает, человечество не может иметь этих указаний, потому что оно всё подвигается по не исследованному еще пути и не у кого спросить, как надо понимать жизнь и действовать в тех новых условиях, в которые оно вступает и в которых еще никто никогда не жил.

А между тем как человеку женатому и с детьми невозможно продолжать понимать жизнь так же, как он понимал ее, будучи ребенком, так и человечеству нельзя уже, при совершившихся разнообразных изменениях: и густоты населения, и установившегося общения между разными народами, и усовершенствования способов борьбы с природой, и накопления знаний, – продолжать понимать жизнь попрежнему, а необходимо установить новое жизнепонимание, из которого и вытекла бы и деятельность, соответствующая тому новому состоянию, в которое оно вступило или вступает.

На это-то требование и отвечает особенная способность человечества выделять из себя людей, дающих новый смысл всей жизни человеческой, – смысл, из которого вытекает вся иная, чем прежняя, деятельность. Установление этого, свойственного человечеству в тех новых условиях, в которые оно вступает, жизнепонимания и вытекающей из него деятельности и есть то, что называется *религия*.

И потому религия, во-первых, не есть, как это думает наука, явление, когда-то сопутствовавшее развитию человечества, но потом пережитое им, а есть всегда присущее жизни человечества явление, и в наше время столь же неизбежно присущее человечеству, как и во всякое другое время. Во-вторых, религия всегда есть определение деятельности будущего, а не прошедшего, и потому очевидно, что исследование прошедших явлений ни в каком случае не может захватить сущности религии.

Сущность всякого религиозного учения – не в желании символического выражения сил природы, не в страхе перед ними, не в потребности к чудесному и не во внешних формах ее проявления, как это думают люди науки. Сущность религии в свойстве людей пророчески предвидеть и указывать тот путь жизни, по которому должно идти человечество, в ином, чем прежнее, определении смысла жизни, из которого вытекает и иная, чем прежняя, вся будущая деятельность человечества.

Свойство этого провидения того пути, по которому должно идти человечество, в большей или меньшей степени обще всем людям; но всегда во все времена были люди, в которых это свойство проявлялось с особенной силой, и люди эти ясно и точно выражали то, что смутно чувствовали все люди, и устанавливали новое понимание жизни, из которого вытекала иная, чем прежняя, деятельность, на многие сотни и тысячи лет.

Таких пониманий жизни мы знаем три: два уже пережитых человечеством, и третье, которое мы теперь переживаем в христианстве. Пониманий таких три, и только три, не потому, что мы произвольно соединили различные жизнепонимания в эти три, а потому, что поступки всех людей имеют всегда в основе одно из этих трех жизнепониманий, потому что иначе, как только этими тремя способами, мы не можем понимать жизнь.

Три жизнепонимания эти следующие: первое – личное, или животное, второе – общественное, или языческое, и третье – всемирное, или божеское.

По первому жизнепониманию жизнь человека заключается в одной его личности; цель его жизни – в удовлетворении воли этой личности. По второму жизнепониманию жизнь человека заключается не в одной его личности, а в совокупности и последовательности личностей: в племени, семье, роде, государстве; цель жизни заключается в удовлетворении воли этой совокупности личностей. По третьему жизнепониманию жизнь человека заключается и не в своей личности и не в совокупности и последовательности личностей, а в начале и источнике жизни – в боге.

Эти три жизнепонимания служат основой всех существовавших и существующих религий.

Дикий признает жизнь только в себе, в своих личных желаниях. Благо его жизни сосредоточено в нем одном. Высшее благо для него есть наиполнейшее удовлетворение его похоти. Двигатель его жизни есть личное наслаждение. Религия его состоит в умиловлении божества к своей личности и в поклонении воображаемым личностям богов, живущим только для личных целей.

Человек языческий, общественный признает жизнь уже не в одном себе, но в совокупности личностей – в племени, семье, роде, государстве, и жертвует для этих совокупностей своим личным благом. Двигатель его жизни есть слава. Религия его состоит в возвеличении глав союзов: родоначальников, предков, государей и в поклонении богам – исключительным покровителям его семьи, его рода, народа, государства.⁵²

Человек божеского жизнепонимания признает жизнь уже не в своей личности и не в совокупности личностей (в семье, роде, народе, отечестве или государстве), а в источнике вечной, неумирающей жизни – в боге; и для исполнения воли бога жертвует и своим личным, и семейным, и общественным благом. Двигатель его жизни есть любовь. И религия его есть поклонение делом и истиной началу всего – богу.

Вся жизнь историческая человечества есть не что иное, как постепенный переход от жизнепонимания личного, животного к жизнепониманию общественному и от жизнепонимания общественного к жизнепониманию божескому. Вся история древних народов, продолжавшаяся тысячелетия и заканчивающаяся историей Рима, есть история замены животного, личного жизнепонимания общественным и государственным. Вся история со времени императорского Рима и появления христианства есть, переживаемая нами и теперь, история замены государственного жизнепонимания божеским.

Вот это-то последнее жизнепонимание и основанное на нем христианское учение, руководящее всей нашей жизнью и лежащее в основе всей нашей деятельности, как практической, так и научной, люди мнимой науки, рассматривая его только по его внешним признакам, признают чем-то отжившим и не имеющим для нас значения.

Учение это, по мнению людей науки, заключающееся только в его догматической стороне – в учении о троице, искуплении, чудесах, церкви, таинствах и пр. – есть только одна из огромного количества религий, которые возникали в человечестве и теперь, сыграв свою роль в истории, отживает свое время, уничтожаясь перед светом науки и истинного просвещения.

Происходит то, что в большей части случаев служит источником самых грубых заблуждений людских: люди, стоящие на низшей степени понимания, встречаясь с явлениями высшего порядка, – вместо того чтобы сделать усилия, чтобы понять их, чтобы подняться на ту точку зрения, с которой должно смотреть на предмет, – обсуживают его с своей низшей точки

⁵² То, что на этом общественном или языческом жизнепонимании основываются столь разнообразные складывания жизни, как жизнь племенная, семейная, родовая, государственная и даже теоретически представляемая позитивистами жизнь человечества, это не нарушает единства этого жизнепонимания. Все эти разнообразные формы жизни основаны на одном представлении о том, что жизнь личности не есть достаточная цель жизни, что смысл жизни может быть найден только в совокупности личностей.

зрения, и с тем большей смелостью и решительностью, чем меньше они понимают то, о чем говорят.

Для большинства научных людей, рассматривающих жизненное нравственное учение Христа с низшей точки зрения общественного жизнепонимания, учение это есть только весьма неопределенное, нескладное соединение индийского аскетизма, стоического и неоплатонического учения и утопических антисоциальных мечтаний, не имеющих никакого серьезного значения для нашего времени, и всё значение его сосредоточивается для них в его внешних проявлениях: в католичестве, протестантстве, догматах, борьбе с светской властью. Определяя по этим явлениям значение христианства, они подобны глухим, которые судили бы о значении и достоинстве музыки по виду движений музыкантов.

От этого происходит то, что все эти люди, начиная от Конта, Страуса, Спенсера и Ренана, не понимая смысла речей Христа, не понимая того, к чему и зачем они сказаны, не понимая даже и вопроса, на который они служат ответом, не давая себе даже труда вникнуть в смысл их, прямо, если они враждебно настроены, отрицают разумность учения; если же они хотят быть снисходительны к нему, то с высоты своего величия поправляют его, предполагая, что Христос хотел сказать то самое, что они думают, но не сумел этого сделать. Они обращаются с его учением так, как большею частью, поправляя слова своего собеседника, говорят самоуверенные люди с тем, кого они считают много ниже себя: «Да, вы собственно хотите сказать то-то и то-то». Поправка эта делается всегда в том смысле, чтобы учение высшего, божеского жизнепонимания свести к низшему, общественному.

Обыкновенно говорят, что нравственное учение христианства хорошо, но преувеличено, – что для того, чтобы оно было вполне хорошо, надо откинуть от него излишнее, не подходящее к нашему строю жизни. «А то учение, требующее слишком многого, неисполнимого, хуже, чем то, которое требует от людей возможного, соответственно их силам», – думают и утверждают ученые толкователи христианства, повторяя при этом то, что давно уже утверждали и утверждают и не могли не утверждать о христианском учении те, которые, не поняв его, распяли за то учителя, – евреи.

Оказывается, что перед судом ученых нашего времени закон еврейский: зуб за зуб и око за око, – закон справедливого возмездия, известный человечеству 5000 лет тому назад, более целесообразен, чем закон любви, 1800 лет тому назад проповеданный Христом на место этого самого закона справедливости.

Оказывается, что всё то, что было сделано теми людьми, которые поняли учение Христа прямо и жили сообразно с таким пониманием, – всё то, что делали и говорили все истинные христиане, все христианские подвижники, всё то, что преобразовывает мир теперь под видом социализма и коммунизма, всё это преувеличения, о которых не стоит и говорить.

Люди, 18 веков воспитанные в христианстве, в лице своих передовых людей, ученых, убедились в том, что христианское учение есть учение о догматах; жизненное же учение есть недоразумение, есть преувеличение, нарушающее настоящие законные требования нравственности, соответствующие природе человека, и что то самое учение справедливости, которое отверг Христос, на месте которого он поставил свое учение, гораздо пригоднее нам.

Ученым людям заповедь непротивления злу насилием кажется преувеличением и даже неразумием. Если откинуть ее, то будет гораздо лучше, думают они, не замечая того, что они толкуют вовсе не об учении Христа, а о том, что им представляется таковым.

Они не замечают того, что сказать, что в учении Христа заповедь о непротивлении злу насилием есть преувеличение, всё равно что сказать, что в учении о круге положение о равенстве радиусов круга есть преувеличение. И те, которые говорят это, делают совершенно то же, что делал бы человек, не имеющий понятия о том, что есть круг, который бы утверждал, что требование того, чтобы все точки окружности были в равном расстоянии от центра, – есть преувеличение. Советовать откинуть или умерить положение о равенстве радиусов в круге –

значит не понимать того, что есть круг. Советовать откинуть или умерить в жизненном учении Христа заповедь о непротivлении злу насилieм – значит не понимать учения.

И те, которые делают это, действительно совершенно не понимают его. Они не понимают того, что учение это есть установление нового понимания жизни, соответствующего тому новому состоянию, в которое вот уже 1800 лет вступили люди, и определение той новой деятельности, которая из него вытекает. Они не верят тому, что Христос хотел сказать то, что сказал: или им кажется, что он по увлечению, по неразумию, по неразвитости своей говорил то, что говорил в нагорной проповеди и других местах.⁵³

(Мф. VI, 25—34).

25) Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? 26) Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницу; и отец ваш небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? 27) Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хоть на один локоть. 28) И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут. 29) Но говорю вам, что Соломон, во всей славе своей, не одевался так, как всякая из них. 30) Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, бог так одевает, кольми паче вас, малoverы! 31) Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть или что нам пить, или во что одеться. 32) Потому что всего этого ищут язычники, и потому что отец ваш небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. 33) Ищите же прежде царства божия и правды его, и это всё приложится вам. 34) Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы.

(Лука XII, 33, 34).

Продавайте имущества ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагаища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает; ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет.

Продай имение твое и иди за мной, и кто не оставит отца или мать, и детей и братьев, и поля и дом, – тот не может быть моим учеником.

Отвергнись от себя, возьми крест свой на каждый день и иди за мной. Пища моя в том, чтобы творить волю пославшего меня и совершать дело его. Не моя воля да будет, но твоя; не то, что я хочу, но то что ты хочешь, и не так, как я хочу, а как ты хочешь. Жизнь в том, чтобы творить не свою волю, но волю бога.

Все эти положения кажутся людям, стоящим на низшем жизнепонимании, выражением какого-то восторженного увлечения, не имеющего никакого прямого приложения к жизни. А между тем эти положения так же строго вытекают из жизнепонимания христианского, как положение об отдаче своего труда для общего дела, о жертве своей жизни для защиты отечества вытекает из жизнепонимания общественного.

Как человек общественного жизнепонимания говорит дикарю: опомнись, одумайся! Жизнь твоей личности не может быть истинной жизнью, потому что жизнь эта бедственна и преходяща. Только жизнь совокупности и последовательности личностей: племени, семьи,

⁵³ Вот, например, характерное суждение такого рода в статье американского журнала «Arena», 1890 г., октябрь, «New basis of church life» («Новые основания церковной жизни»). Рассуждая о значении нагорной проповеди и в особенности о непротivлении злу, автор, не имея надобности, как это делают церковные, скрывать значение ее, говорит: «Христос действительно проповедовал полный коммунизм и анархию; но надо уметь смотреть на Христа в его историческом и психологическом значении. Как всякий проповедник человеколюбия, энтузиаст Христос доходил в своем учении до утопических крайностей. Всякий шаг вперед нравственного совершенствования человечества всегда бывает руководим людьми, которые ничего не видят, кроме своего призвания. Христос же, не в укор ему будь сказано, имел типический темперамент такого преобразователя. И потому мы должны помнить, что поучения его не могут быть понимаемы как полная философия жизни. Мы должны анализировать его слова с уважением к ним, но в духе критицизма, ищущего истины» и т.д. Христос и рад бы сказать хорошо, но он не умел выражаться так точно и ясно, как мы, в духе критицизма, и потому поправим его. Всё, что он наговорил о смирении, жертве, нищете, незаботе о завтрашнем дне, всё это он говорил нечаянно, по неумению научно выражаться.

рода, государства продолжается и живет, и потому человек должен жертвовать своей личностью для жизни семьи, государства. Точно то же говорит христианское учение человеку жизнепонимания совокупного, общественного. Покайтесь – μετανοείτε, т. е. одумайтесь, а то погибнете. Поймите, что эта плотская, личная жизнь, нынче возникшая и завтра уничтожающаяся, ничем не может быть обеспечена, что никакие внешние меры, никакое устройство ее не может придать ей твердости, разумности. Одумайтесь и поймите, что жизнь, которой вы живете, не есть настоящая жизнь; жизнь семьи, жизнь общества, жизнь государства не спасет от гибели. Жизнь истинная, разумная возможна для человека только в той мере, в которой он может быть участником не семьи или государства, но источника жизни, отца; в той мере, в которой он может слить свою жизнь с жизнью отца. Таково несомненно жизнепонимание христианское, видимое в каждом изречении Евангелия.

Можно не разделять этого жизнепонимания, можно отрицать его, можно доказывать неточность, неправильность его; но невозможно судить об учении, не усвоив того жизнепонимания, из которого оно вытекает; а тем более невозможно судить о предмете высшего порядка с низшей точки зрения: глядя на фундамент судить о колокольне. А это-то самое делают люди научные нашего времени. Делают они это, потому что находятся в подобном же церковным людям заблуждении о том, что они обладают такими приемами изучения предмета, что, если только употреблены эти приемы, называемые научными, то не может уже быть сомнения в истинности понимания обсуживаемого предмета.

Это-то обладание мнимым непогрешимым их орудием познания и служит главным препятствием понимания христианского учения для людей неверующих и так называемых научных, мнением которых и руководится всё огромное большинство неверующих, так называемых образованных людей. Из этого-то мнимого понимания вытекают все заблуждения научных людей о христианском учении, и в особенности два странные недоразумения, более всего другого препятствующие правильному пониманию его.

Одно из этих недоразумений то, что христианское жизненное учение неисполнимо, и потому или вовсе необязательно, т. е. не должно быть принимаемо за руководство, или должно быть видоизменено, умерено до тех пределов, в которых исполнение его возможно в нашем обществе. Другое недоразумение то, что христианское учение любви к богу и потому служение ему есть требование неясное, мистическое, не имеющее определенного предмета любви, которое поэтому должно быть заменено более точным и понятным учением о любви к людям и служении человечеству.

Первое недоразумение о неисполнимости учения состоит в том, что люди общественного жизнепонимания, не понимая того способа, которым руководит людей христианское учение, и принимая христианское указание совершенства за правила, определяющие жизнь, думают и говорят, что следование учению Христа невозможно, потому что полное исполнение требований этого учения уничтожает жизнь. «Если бы человек исполнил то, что проповедуется Христом, то он уничтожил бы свою жизнь; и если бы все люди исполнили это, то прекратился бы и род человеческий», – говорят они.

«Не заботясь о завтрашнем дне, – о том, что есть, и что пить, и во что одеться; не защищая свою жизнь, не противясь злу насилием, отдавая свою жизнь за други своя и соблюдая полное целомудрие, человек и человеческий род не могут существовать», – думают и говорят они.

И они совершенно правы, если принимать указания совершенства, даваемые учением Христа, за правила, которые каждый обязан исполнять так же, как в общественном учении всякий обязан исполнять правило уплаты податей, участия в суде и т. п.

Недоразумение состоит именно в том, что учение Христа руководит людьми иным способом, чем руководят учения, основанные на низшем жизнепонимании. Учения общественного жизнепонимания руководят только требованием точного исполнения правил или законов. Учение Христа руководит людьми указанием им того бесконечного совершенства отца небес-

ного, к которому свойственно произвольно стремиться всякому человеку, на какой бы степени несовершенства он ни находился.

Недоразумение людей, судящих о христианском учении с точки зрения общественного, состоит в том, что они, предполагая, что совершенство, указываемое Христом, может быть вполне достигнуто, спрашивают себя (так же, как они спрашивают себя, предполагая, что законы общественные будут исполнены), что будет, когда это всё будет исполнено? Предположение это ложно, потому что совершенство, указываемое христианам, – бесконечно и никогда не может быть достигнуто; и Христос дает свое учение, имея в виду то, что полное совершенство никогда не будет достигнуто, но что стремление к полному, бесконечному совершенству постоянно будет увеличивать благо людей и что благо это поэтому может быть увеличиваемо до бесконечности.

Христос учит не ангелов, но людей, живущих животной жизнью, движущихся ею. И вот к этой животной силе движения Христос как бы прикладывает новую, другую силу сознания божеского совершенства, – направляет этим движение жизни по равнодействующей из двух сил.

Полагать, что жизнь человеческая пойдет по направлению, указанному Христом, всё равно что полагать, что лодочник, перебивая быструю реку и направляя свой ход почти прямо против течения, поплывет по этому направлению.

Христос признает существование обеих сторон параллелограмма, обеих вечных, неуничтожимых сил, из которых складывается жизнь человека: силу животной природы и силу сознания сыновности богу. Не говоря о силе животной, которая, сама себя утверждая, остается всегда равна сама себе и находится вне власти человека, Христос говорит только о силе божеской, призывая человека к наибольшему сознанию ее, к наибольшему освобождению ее от того, что задерживает ее, и к доведению ее до высшей степени напряжения.

В этом освобождении – увеличении этой силы и состоит, по учению Христа, истинная жизнь человека. Истинная жизнь, по прежним условиям, состоит в исполнении правил, закона; по учению Христа она состоит в наибольшем приближении к указанному и сознаваемому каждым человеком в себе божескому совершенству, в большем и большем приближении к слиянию своей воли с волей божией, слиянию, к которому стремится человек и которое было бы уничтожением той жизни, какую мы знаем.

Божеское совершенство есть асимптота жизни человеческой, к которому она всегда стремится и приближается и которое может быть достигнуто ею только в бесконечности.

Учение христианское кажется исключаящим возможность жизни только тогда, когда люди указание идеала принимают за правило. Только тогда представляются уничтожающими жизнь те требования, которые предъявляются учением Христа. Требования эти, напротив, одни дают возможность истинной жизни. Без этих требований невозможна бы была истинная жизнь.

«Нельзя требовать слишком многого, – говорят обыкновенно люди, обсуживая требования христианского учения, – нельзя требовать того, чтобы совсем не заботиться о будущем, как это сказано в Евангелии, но надо только не слишком много заботиться; нельзя отдавать бедным всего, но надо отдавать известную, определенную часть; не надо стремиться к девственности, но надо избегать разврата; не надо оставлять жену и детей, но надо не иметь к ним слишком большого пристрастия» и т. д.

Но говорить так – всё равно что говорить человеку, переплывающему быструю реку и направляющему свой ход против течения, что нельзя переплыть реку, направляясь против течения, а что для того, чтобы переплыть ее, надо плыть по тому направлению, по которому он хочет идти.

Учение Христа тем отличается от прежних учений, что оно руководит людьми не внешними правилами, а внутренним сознанием возможности достижения божеского совершен-

ства. И в душе человека находятся не умеренные правила справедливости и филантропии, а идеал полного, бесконечного божеского совершенства. Только стремление к этому совершенству отклоняет направление жизни человека от животного состояния к божескому настолько, насколько это возможно в этой жизни.

Для того, чтобы пристать к тому месту, к которому хочешь, надо всеми силами направлять ход гораздо выше.

Спустить требования идеала значит не только уменьшить возможность совершенства, но уничтожить самый идеал. Идеал, действующий на людей, есть не выдуманный кем-то идеал, но идеал, носимый в душе каждым человеком. Только этот идеал полного, бесконечного совершенства действует на людей и подвигает их к деятельности. Умеренное совершенство теряет свою силу воздействия на души людей.

Учение Христа только тогда имеет силу, когда оно требует полного совершенства, т. е. слияния божеской сущности, находящейся в душе каждого человека, с волей бога, – соединения сына с отцом. Только это освобождение сына божия, живущего в каждом человеке, из животного и приближение его к отцу и составляет жизнь по учению Христа.

Существование в человеке животного, только животного, не есть жизнь человеческая. Жизнь по одной воле бога тоже не есть жизнь человеческая. Жизнь человеческая есть составная из жизни животной и жизни божеской. И чем более приближается эта составная к жизни божеской, тем больше жизни.

Жизнь по учению христианскому есть движение к божескому совершенству. Ни одно состояние по этому учению не может быть выше или ниже другого. Всякое состояние по этому учению есть только известная, сама по себе безразличная ступень к недостижимому совершенству и потому само по себе не составляет ни большей, ни меньшей степени жизни. Увеличение жизни по этому учению есть только ускорение движения к совершенству. И потому движение к совершенству мытаря Закхея, блудницы, разбойника на кресте – составляет высшую степень жизни, чем неподвижная праведность фарисея. И потому-то для этого учения не может быть правил, обязательных для исполнения. Человек, стоящий на низшей ступени, подвигаясь к совершенству, живет нравственнее, лучше, более исполняет учение, чем человек, стоящий на гораздо более высокой ступени нравственности, но не подвигающийся к совершенству.

В этом-то смысле заблудшая овца дороже отцу заблудшихся. Блудный сын, потерянная и опять найденная монета дороже тех, которые не пропадали.

Исполнение учения – в движении от себя к богу. Очевидно, что для такого исполнения учения не может быть определенных законов и правил. Всякая степень совершенства и всякая степень несовершенства равны перед этим учением; никакое исполнение законов не составляет исполнения учения; и потому для учения этого нет и не может быть обязательных правил и законов.

Из этого коренного отличия учения Христа от всех предшествующих учений, основанных на общественном непонимании, происходит и различие заповедей общественных от заповедей христианских. Заповеди общественные большей частью положительные, предписывающие известные поступки, оправдывающие людей, дающие им праведность. Заповеди же христианские (заповедь любви не есть заповедь в тесном смысле слова, а выражение самой сущности учения), пять заповедей нагорной проповеди – все отрицательные и показывают только то, чего на известной степени развития человечества люди могут уже не делать. Заповеди эти суть как бы заметки на бесконечном пути совершенства, к которому идет человечество, той степени совершенства, которая возможна в известный период развития человечества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.